

Очеркъ народностей Тобольского съвера.

Д. чл. А. А. Дунина-Горкевича.

Тобольский Съверъ заключаетъ въ своихъ предѣлахъ два уѣзда Тобольской губерніи: Березовскій и Сургутскій, а также Самаровскую волость Тобольского уѣзда, и занимаетъ громадное пространство въ 835.830 кв. верстъ, превышающее по своимъ размѣрамъ многія изъ европейскихъ государствъ.

Этотъ обширный край до сихъ порь является мало изученнымъ. Правда, иностранными учеными давно уже производятся изслѣдованія его въ этнографическомъ и лингвистическомъ отношеніи, но изученіе экономического быта населенія до настоящаго времени остается мало затронутымъ. За 13-лѣтнюю мою службу лѣсничимъ въ этомъ краѣ мнѣ приходилось близко наблюдать тѣ условия, въ которыхъ живутъ инородцы Тобольского съвера. Наблюденія свои я старался зарегистрировать для памяти. Помимо того, я собиралъ разнаго рода данныя, освѣщающія бытъ и экономическія условия жизни инородцевъ. Этимъ материаломъ я воспользовался впослѣдствіи при составленіи нѣкоторыхъ отдельовъ особаго труда, который предполагаю напечатать въ ближайшемъ будущемъ.

Въ настоящемъ докладѣ я предлагаю вниманію читателей краткій бытовой очеркъ жизни народностей Тобольского съвера, составленный на основаніи моихъ личныхъ наблюденій и собранныхъ мною данныхъ. Въ области этнографіи труды спеціалистовъ-изслѣдователей, конечно, полнѣе и обстоятельнѣе моихъ наблюденій, и въ этомъ отношеніи я не думаю открывать Америки, но мнѣ хочется ознакомить моихъ слушателей не съ одной этнографіей Тобольского съвера: въ своемъ

докладѣ я думаю попутно затронуть и экономический быть населенія, мало изученный и заставляющій желать много и много лучшаго.

I.

Количество населенія.—Этнографический составъ.—Географическое распределение.—Административное устройство.—Инородные управы и родовые управлениі.—Общинное землепользованіе, какъ основаніе родовой связи.—Судебная функция органовъ управления.—Непримѣнимость суда родового управления и замѣна его судомъ схода.—Административное дѣление населенія Сургутского уѣзда.—Инородческое населеніе.—Русское населеніе: городское и сельское.—Русскіе поселенцы на инородческихъ земляхъ.

Населеніе Тобольского сѣвера, на пространствѣ 835.830 кв. вер., достигаетъ до 35.000 душъ обоего пола: въ Березовскомъ уѣздѣ 22.194 челов., въ Сургутскомъ 8.372 челов. и въ Самаровской волости, Тобольского уѣзда—4.087 челов. (количество населенія Березовского и Сургутского уѣзовъ показано по даннымъ къ 1-му января 1900 г., а Самаровской волости—по свѣдѣніямъ всеобщей переписи 1897 г.). Такимъ образомъ, на одного человѣка, въ среднемъ, приходится площасть въ $23\frac{1}{2}$ кв. версты.

Въ настоящее время этнографический составъ населенія слѣдующій: русскіе, зыряне, остыки, ногулы и самоѣды. Изъ нихъ, по численности, первое мѣсто занимаютъ остыки, затѣмъ слѣдуютъ русскіе, самоѣды, ногулы и зыряне.

Русскіе разселены на всемъ протяженіи Оби и Иртыша, какъ большими селеніями, такъ и отдельными домами, а въ предѣловъ Оби только по судоходнымъ ея притокамъ: Сосѣвъ, Ваху и Югану.

Зыряне проживаютъ осѣдо въ г. Березовѣ, въ селахъ: Шекуринскомъ, Мужахѣ и Обдорскѣ, а по р. Ляпину они создали колонію Сарапъ-пауль.

Остыки вмѣстѣ съ ногулами населяютъ зону высокоствольныхъ лѣсовъ, при чмъ послѣдніе изъ нихъ занимаютъ исключительно бассейнъ р. Сѣверной Сосвы, т.-е. Приуральскую часть Березовскаго края.

Самоѣды населяютъ зону полярного сѣвера. Племя это составляютъ исключительно оленеводы-кочевники.

Всѣ инородцы здѣшняго края управляются органами, именуемыми инородческими управами, соответствующими русскимъ волостнымъ правленіямъ. Въ Сургутскомъ уѣздѣ каждая управа состоять изъ инородческаго старшины, двухъ его кандидатовъ и писаря и, въ свою очередь, дѣлится на волости, или роды, соответствующіе русскимъ сельскимъ обществамъ и завѣдываемые родовыми старостами при двухъ кандидатахъ, на обязанности которыхъ лежить полученіе изъ казенныхъ магазиновъ огнестрѣльныхъ припасовъ, раздача ихъ общественникамъ и взысканіе съ нихъ ясака. Хотя дѣленіе на роды возникло изстари, подъ влияніемъ родственныхъ отношеній и происхожденія отъ одного родоначальника, но въ настоящее время связь родовичей основана, главнымъ образомъ, на общинномъ пользованіи угодьями. Земли, находящіяся въ пользованіи каждого отдельного рода, составляютъ извѣстную территориальную единицу, большую частью, бассейнъ какой-либо реки. Границы этихъ территорій хорошо извѣстны смежнымъ сосѣднимъ родамъ, и при пользованіи угодьями соблюдаются строго каждымъ родомъ: поэтому и вторженія на чужую территорію безъ должнаго разрѣшенія караются довольно строго по обычному праву.

Возникающіе между инородцами маловажные дѣла и иски, въ качествѣ первой инстанціи, решаются: у остыковъ родовыми управлениіями, а у самоѣдовъ родовой старостой единолично. Второй инстанціей для остыковъ является управа и третьей полицейское управлениѣ. Самоѣдамъ же, въ случаѣ неудовольствія разбирательствомъ старосты, предоставляется право вчинять искъ общеустановленнымъ порядкомъ.

На практикѣ судъ въ вышеуказанной формѣ почти не существуетъ, такъ какъ староста и его кандидаты, за дальностью разстоянія, не могутъ собираться одновременно для составленія коллегіального суда, а къ единоличному разбирательству старосты инородцы обращаться избѣгаютъ. Такимъ образомъ, возникающія претензіи часто разбираются сходомъ во время сѣзона остыковъ для положенія ясака. Сѣззы эти обыкновенно бываютъ два раза въ годъ: въ маѣ и декабрѣ.

Кромѣ того, секретно практикуется клятва надъ головой или лапой медведя. Почти каждый остыкъ убѣждень, что такая клятва, произнесенная ложно, не останется безнаказанной. Поэтому сознавшій себя виновнымъ на клятву не соглашается

и признается въ винѣ; произнесшій же клятву считается оправданнымъ.

Какъ примѣръ административнаго дѣленія населенія, возьмемъ Сургутскій уѣздъ.

Остяки Сургутскаго уѣзда въ административномъ отношеніи раздѣлены на 5 управъ и 21 родъ.

Все инородческое населеніе несетъ тѣ же повинности, что и русскіе крестьяне, за исключениемъ воинской и дорожной; введеніе послѣдней, за отсутствиемъ грунтовыхъ дорогъ, не представляется необходимымъ. Изъ окладныхъ обложеній остяки уѣзда уплачиваютъ кабинетскій ясакъ и губернскій земскій сборъ. Помимо окладныхъ обложеній, существуютъ мірскія повинности, налагаемыя приговорами сходовъ для удовлетворенія мѣстныхъ нуждъ. Распределеніе казенныхъ обложеній и мірскихъ повинностей производится по числу ревизскихъ душъ въ каждой управѣ и родѣ, а затѣмъ причитающуюся съ рода сумму родовицъ распредѣляются между всѣми годными работниками, начиная съ 17-лѣтняго возраста. Размѣръ всѣхъ вообще платежей простирается до 7 руб. на каждую платежную душу. Въ пѣкоторыхъ управахъ, наприм., Юганской и Тундринской, первые два года по зачисленію въ окладъ плательщики облагаются лишь половиной суммой сборовъ. Всего на 3.462 души мужскаго инородческаго населенія приходится 1.303 ревизскихъ или 1.312 зачисленныхъ въ складъ годныхъ работниковъ. Сборъ ясаковъ и повинностей пріуроченъ ко времени окончанія промысловъ и происходитъ дважды въ годъ, именно въ декабрѣ и маѣ мѣсяцахъ, въ заранѣе назначенныхъ для того мѣстахъ. Въ то же время бываютъ и сходы для составленія раскладочныхъ приговоровъ и обсужденія разнаго рода нуждъ.

Инородческое населеніе уѣзда пользуется землями на общинномъ родовомъ началѣ. За отсутствиемъ въ краѣ хлѣбопашества оно продовольствуется хлѣбомъ, приобрѣтымъ у мѣстныхъ торговцевъ. Для регулированія цѣнъ на хлѣбъ въ частной продажѣ существуютъ 9 казенныхъ хлѣбозапасныхъ магазиновъ, изъ которыхъ отпускается инородцамъ мука и сало не только за деньги, но и въ ссуду. Изъ этихъ же магазиновъ отпускается имъ порохъ, дробь и свинецъ.

Русское населеніе Сургутскаго уѣзда состоитъ изъ городского и сельскаго.

Городское населеніе составляютъ, главнымъ образомъ, потомки казаковъ — завоевателей этого края. Казачья команда существовала въ г. Сургутѣ до 1881 г. По ея упраздненіи казаки переименованы въ мѣщанъ, и введено упрощенное городовое управление, во главѣ которого стоитъ городской староста.

Русскіе крестьяне, населяющіе уѣздъ, въ административномъ отношеніи составляютъ одно сельское общество, подчиненное Тундринскому волостному правленію. Жители этой волости — потомки ссыльныхъ или добровольно въ давнее время переселившихся въ уѣздъ лицъ — проживаютъ, главнымъ образомъ, въ трехъ населенныхъ пунктахъ, расположенныхъ при р. Оби на инородческой территории Тундринской управы.

Никакихъ земельныхъ надѣловъ населеніе не имѣть и пользуется угодьями на правѣ захвата у инородцевъ, совершившаго въ прежнее время, или же арендую таковыя у нихъ. Кромѣ того, крестьяне этой волости разсѣяны по всей Оби, какъ единичными домами среди инородцевъ, такъ и самостоятельно, отдѣльными поселками. Исполняя всѣ тѣ же повинности, какія лежать на обязанности крестьянъ другихъ уѣзовъ, кромѣ воинской, жители этой волости уплачиваютъ изъ окладныхъ обложеній подушную и оброчную подати, губернскій земскій сборъ и — что весьма странно — сборъ на межеваніе земель. Все населеніе указываемой волости занимается тѣми же промыслами, что и остяки, да, кромѣ того, извозомъ.

Инородческіе управы и Тундринское волостное правленіе находятся подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ полиціи. Въ то же время на уѣздныхъ исправникахъ — Сургутскомъ и Березовскомъ — лежать обязанности крестьянскихъ начальниковъ, такъ какъ управление и опека надъ населеніемъ этихъ уѣзовъ ввѣрены исправнику.

Помимо того, среди инородческаго населенія, совмѣстно съ нимъ или отдѣльными поселками, проживаютъ русскіе выходцы: вышеуказанные тундринские крестьяне, сургутскіе мѣщане и лица изъ разныхъ другихъ мѣстностей. Поселившись въ давнее время самовольно на инородческихъ земляхъ и имѣя тамъ полную осѣдлость, лица эти тѣмъ не менѣе состоять до сего времени на причисленіи тамъ, где были причислены ихъ предки, и всѣ повинности несутъ по мѣсту своего причисленія. Въ общемъ, русскихъ поселенцевъ, живущихъ на инородческихъ

земляхъ и не причисленныхъ по мѣсту своего жительства,— 241 мужч. и 233 женщ., а всего 474 челов., составляющихъ 102 домохозяина, размѣщенныхъ въ 22-хъ населенныхъ пунктахъ: 5 селахъ, 1 деревнѣ, 4 земскихъ станціяхъ и 12 дровиныхъ пароходныхъ пристаняхъ. Хотя села и стоятъ на инородческой территории, однако основной, исконный элементъ населения, создавшій ихъ,— русскіе, и даже въ настоящее время въ селахъ рѣдко можно встрѣтить проживающихъ тамъ остыаковъ. Кромѣ этихъ 5 селъ, есть еще одинъ старинный выселокъ— деревня Ватинская, заселенная исключительно крестьянами Тундринской волости.

Постепенное развитіе въ 70—80-хъ годахъ пароходства въ этомъ краѣ создало спросъ на дрова, заготовка которыхъ не только дала заработокъ населенію, но даже составила выгодную торговую операцию. Мѣста для поставки дровъ на пароходы, дотолѣ пустынныя, стали застраиваться землянками рабочихъ-древорубовъ.

Нѣкоторые изъ пріплыхъ рабочихъ, въ виду выгодности заработка, остались на постоянное жительство. Такимъ путемъ создались поселенія русскихъ на пристаняхъ: Сытоминой, Покурѣ, Верхне-Бартовской и Лукашкиномъ Ярѣ. Остальные же поселенія въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ пристани существовали еще до развитія здѣсь пароходства, отчасти какъ торговые пункты.

Благодаря учрежденію земской гоньбы, создались еще самостоятельные населенные пункты, составляющіе 4 земскихъ станціи.

Никакой административной организаціи въ такихъ поселкахъ не существуетъ: не имѣя собственныхъ выборныхъ властей, русскіе жители въ то же время не признаютъ и инородческихъ.

II.

Остяки и ногулы.—Общая характеристика остыаковъ.—Характеристика Ваховскихъ и Казымскихъ остыаковъ.—Условія быта остыаковъ въ зависимости отъ средствъ передвиженія.—Раздѣленіе ихъ на лошадныхъ и оленевыхъ.—Подраздѣленіе послѣднихъ.—Мало-сосинскіе остыаки-пѣшеходы.—Языкъ.—Религіозная возврѣнія остыаковъ и обряды: а) возврѣніе остыаковъ на медведя, б) приклады и жертвоприношенія, в) понятіе о загробной жизни, г) обрядъ жертвоприношенія лошади, д) погребальные обряды и е) паримоленіе о благополучномъ промыслѣ.—Физический типъ и характеръ ногуль.—Ихъ жилища.—Мѣры времени и пространства.—Главные промыслы ногуль.—Богульское оленеводство.

Остыаки, большей частью, роста среднаго, худощавы, вялы, неповоротливы и старообразны; глаза имѣютъ узкіе, лицо круглое, плоское, носъ широкій, волосы, преимущественно, черные, заплетенные, въ большинствѣ случаевъ, въ косы, а иногда просто висящіе космами по плечамъ; бороды нѣть, а если у кого и начнетъ пробиваться на подбородкѣ волосъ, то таковой тотчасъ же выщипывается; они отличаются малой величиной ногъ. Женщины, по наружному виду, ничѣмъ не отличаются отъ мужчинъ; черты лица ихъ грубы, и онѣ обыкновенно неопрятнѣе мужчинъ.

Въ умственномъ, равно какъ и въ физическомъ, отношеніи почти всѣ остыаки стоятъ ниже своихъ сосѣдей—вогуль и самбодовъ, исключая двухъ группъ этой народности, именно Ваховскихъ и Казымскихъ остыаковъ, способныхъ охранить свою самобытность отъ поглощенія ея русской культурой и въ то же время не только не проявляющихъ признаковъ вымирания, но даже дающихъ значительный приростъ населенія.

Ваховскіе остыаки, эти исконные звѣроловы, выдѣляются по своему физическому развитію; они стройнѣе, красивѣе и выглядятъ выше и крѣпче остальныхъ остыаковъ. Особенно выдѣляются среди нихъ принадлежащіе къ смуглому типу съ густыми темными волосами. Ваховскіе остыаки—народъ здоровый, и больныхъ среди нихъ встрѣтить можно рѣдко. Больѣни, болѣшею частью, заносныя. Пьянства, которымъ отличаются, исключая казымцевъ, другіе остыаки, среди Ваховскихъ остыаковъ пѣть. Несмотря на скучность природныхъ богатствъ и неудовлетворительное экономическое положеніе, среди нихъ наблюдается очень значительный приростъ.

Казымцы, заселяющие бассейнъ р. Казыма и средняго течения р. Назыма, рѣзко выдѣляются среди осяковъ по своей жизнеспособности. Это — народъ физически крѣпкій, трудолюбивый и трезвый. Сравнительно съ другими осяками они мало воспріимчивы къ русской культурѣ, но зато и весьма не требовательны. Казымцы очень подвижны; ихъ не мало разсѣяно по мелкимъ обскимъ притокамъ, между Березовомъ и селомъ Елизаровскимъ. Они какъ-то быстро приспособляются ко всякой мѣстности. Арендуетъ казымецъ гдѣ-нибудь рѣчку для рыбной ловли, построить избушку, а самъ промышляетъ не только рыбу, но даже и звѣря; черезъ годъ-два, глядишь, завелись у него и олени.

Вообще, казымцы отличаются способностью къ колонизаціи. Предки ихъ совершили мирное завоеваніе цѣлой области, болѣе 100 лѣтъ назадъ, такъ что теперь р. Назымъ съ притоками въ предѣлахъ Березовскаго края заселена казымцами. Въ январѣ 1901 г. я посѣтилъ и обслѣдовалъ бассейнъ р. Назыма. На существующихъ картахъ показаны заселенными только низовья этой рѣки въ предѣлахъ Тобольского уѣзда, я же нашелъ въ предѣлахъ средняго течения р. Назыма, въ Березовскомъ уѣздѣ, 13 населенныхъ пунктовъ, въ которыхъ проживаютъ 42 домохозяина, составляющихъ 73 дѣльныхъ работника.

До прихода казымцевъ на р. Назымъ владѣнія осяковъ Тобольского уѣзда простирались далеко съвернѣе нынѣ существующей границы; такъ, по р. Назыму до р. Евѣ-югана, а по р. Немъ-сугану до р. Торъ-соима, съвернѣе же этихъ рѣкъ проживали кочующіе самоѣды, изъ которыхъ нынѣ осталось только три самоѣда: Халатъ, Тангала и Угла, проживающіе при вершинѣ р. Немъ-сугана.

О жизнеспособности казымцевъ говоритъ самый фактъ разселенія ихъ предковъ въ этихъ мѣстахъ. Исторія этого разселенія, по сообщенію казымскихъ осяковъ и осяковъ юртъ Вершинскихъ, такова. Первымъ пришелъ на Назымъ казымецъ Хоровъ изъ юртъ Ильбигорскихъ и, съ разрѣщеніемъ вершинскихъ осяковъ, поселился на мѣстѣ нынѣшнихъ юртъ Торъ-соимъ и сталъ промышлять рыбу. За нимъ послѣдовали другіе выходцы и, мало-по-малу, захватили осяцкія и самоѣдскія земли. Самоѣдовъ они сильно тѣснили и не жили съ ними въ согласіи, отчего послѣдніе откочевали дальше на востокъ. Та-

кимъ образомъ казымскіе осяки завладѣли чужими самоѣдскими и осяцкими мѣстами и угодьями. Захватъ земель практикуется ими и по настоящее время.

Назымскіе казымцы замѣчательно подходятъ по типу къ русскимъ. Люди съ усами среди нихъ не рѣдкость и есть даже бородатые. Какъ и всѣ остальные казымцы, они носятъ косы. Табаку они не курятъ, а лишь нюхаютъ, и рѣдкіе изъ нихъ кладутъ его за губу. Живутъ они въ бревенчатыхъ, 8 и 9 аршинныхъ юртахъ съ поломъ, но безъ потолка, покрытыхъ тесомъ, а сверху дерномъ. Встрѣчаются юрты съ тесанными стѣнами и со стеклянными рамами въ окнахъ, вместо льдинъ. Хлѣбъ пекутъ кислый—по-русски, для чего на дворѣ имѣются маленькия глинянныя печи.

Назымскіе казымцы—Полноватскаго прихода, по въ своей церкви не бывають за дальностью разстоянія. Полноватскій священникъ былъ у нихъ въ послѣдній разъ въ началѣ девяностыхъ годовъ, всѣ же церковныя требы они выполняютъ теперь въ сосѣднемъ М. Атлынскомъ приходѣ.

Муку имъ отпускаютъ только изъ Березовскаго магазина, а ясакъ они должны платить въ Казымѣ, для чего опять-таки приходится имъѣздить за сотни verstъ.

Жилища осяковъ очень разпообразны. Они живутъ въ юртахъ-землянкахъ, въ бревенчатыхъ юртахъ, въ избахъ русскаго типа и даже въ довольно благоустроенныхъ домахъ.

Хотя осяки юридически признаются кочевымъ племенемъ, но, по сравненію съ самоѣдами, ихъ можно считать осѣдлыми. Степень ихъ осѣдлости характеризуется способомъ ихъ разселенія въ зависимости отъ мѣстныхъ условій. Одни изъ нихъ разселены по р. Оби и ея притокамъ въ юртахъ, сгруппированныхъ въ небольшіе поселки, имѣющіе разъ установившееся, опредѣленное название. Это—ояки, большую частью, лошадные, которыхъ здѣсь считаютъ осѣдлыми. Другіе же разселены по обскимъ притокамъ въ юртахъ, разбросанныхъ по одной-по двѣ на громадномъ протяженіи этихъ рѣкъ и ихъ притоковъ. Такіе населенные пункты не всегда имѣютъ опредѣленное, установившееся название, а известны по фамилямъ проживающихъ въ нихъ осяковъ, при чемъ наблюдается, что пункты эти неустойчивы и нерѣдко меняются ихъ хозяевами, въ зависимости отъ удобства промысла и времени года.

Изъ сказанного видно, что не всѣ осяки живутъ одина-

ково. Разница эта находится въ зависимости оть природныхъ условий той или иной мѣстности, которая, въ свою очередь, вліяютъ на экономическое состояніе населенія. Особенно рѣзко выражается она при сравненіи средствъ передвиженія. Послѣднее обстоятельство, какъ извѣстно, имѣетъ настолько важное значеніе въ жизни инородца, что имѣть опредѣляется въ значительной степени характеръ жизни его. Поэтому мы возмемъ разницу въ средствахъ передвиженія за принципъ, на основаніи котораго и раздѣлимъ осяковъ на слѣдующія двѣ группы: конныхъ и оленныхъ.

Для первыхъ средствомъ передвиженія служить лошадь, для вторыхъ — олень. Осяки первой группы обитають по берегамъ Оби на всемъ ея протяженіи оть границы Томской губерніи до г. Березова и по ея притокамъ: въ Сургутскомъ краѣ—Балыку и Салыму, въ низовьяхъ рѣкъ Ваха и Югана и въ низовье р. Назима, Тобольскаго уѣзда, а въ Березовскомъ краѣ—по рр. Ковинской, Васпухолу и Ендыру, а также въ низовьяхъ Сѣверной Сосвы. Осяки же второй группы обитають по остальнымъ обскимъ притокамъ и по Оби ниже Березова.

Вѣнчайший бытъ людей указанныхъ группъ, живущихъ въ разныхъ условіяхъ, различенъ. Съ одной стороны — дикий кочевникъ — оленный осякъ, рѣдко приходящій въ соприкосновеніе съ русскими и ихъ культурой. Съ другой стороны — осѣдлый, лошадный осякъ, поселенія котораго находятся не очень далеко оть поселеній русскихъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и соприкасаются съ послѣдними, чѣмъ даётъ ему возможность входить въ довольно частыя сношенія съ русскими и перенимать отъ нихъ все, что онъ найдетъ необходимымъ. Стоитъ только взглянуть на одежду того и другого, чтобы немедленно отличить оленного осяка, одѣтаго въ одежду изъ шкуръ оть лошадного, наряженаго въ одежду изъ фабричнаго матеріала своеобразнаго покрова, а иногда и въ одежду чисто-русскаго типа, съ его неизбѣжными „спинжаками“, „брюками на улицу“ и даже „калошами“.

Различная степень удаленности осяковъ оть русскихъ поселеній является вторымъ факторомъ, обусловливающимъ разницу въ ихъ бытѣ. Это рѣзко замѣтно у осяковъ близь Нарымской границы и по р. Салыму.

Для лошадныхъ осяковъ, обитающихъ по берегамъ Оби

на протяженіи 1.350 верстъ, основнымъ источникомъ существованія служить рыболовный промыселъ. Осяки этой группы, проживающіе по притокамъ, имѣютъ свои рыболовныя угодья все-таки на р. Оби и ея рукавахъ; звѣроловство же для нихъ является вспомогательнымъ промысломъ. Существуетъ еще источникъ добыванія средствъ для существованія, это — заготовка дровъ для пароходовъ. Заготовкой этой занимаются приобскіе осяки и русскіе, главнымъ образомъ, въ Сургутскомъ краѣ и въ Самаровской волости (русскіе), въ Березовскомъ же краѣ дрова готовятся въ незначительномъ количествѣ.

У Салымскихъ и Балыцкихъ осяковъ развито звѣроловство почти въ одинаковой степени съ рыболовствомъ; немаловажную роль играетъ также и кедровый промыселъ.

Хотя для второй группы осяковъ средствомъ передвиженія служить одинъ олень, по условію ихъ жизни настолько различны, что они смѣло могутъ быть въ свою очередь подраздѣлены на слѣдующія четыре подгруппы:

1) Осяки, обитающіе ниже Березова, — рыболовы-оленеводы. Оленеводство съ избыткомъ обезпечиваетъ имъ средства передвиженія, пищу, одежду и кровь.

2) Осяки, обитающіе въ бассейнѣ рѣкъ: Пима, Тромъ-югала, Агапа, Назима и Казима, а также вогулы, — звѣроловы-рыболовы-оленеводы. Оленеводство лишь въ обрѣзъ обезпечиваетъ имъ средства передвиженія, пищу и одежду. Какъ тѣ, такъ и другіе одежду шьютъ изъ оленьихъ шкуръ.

3) Осяки, обитающіе въ бассейнѣ р. Ваха. Страна ихъ обдѣлена природою. Единственный объектъ ихъ промысла — бѣлка. Народъ бѣдный. Ихъ оленеводство даже не обезпечиваетъ средства передвиженія. Одѣваются они хотя и въ оленьи шкуры, но покупныя; поэтому одежда ихъ шьется съ расчетомъ на экономію.

4) Осяки, обитающіе въ бассейнѣ р. Югана, хотя имѣютъ оленей менѣе, чѣмъ Ваховскіе, но они, сравнительно съ Ваховскими, народъ богатый. Они, кромѣ бѣлки, промышляютъ соболя, оленя и лося. Одежда ихъ приближается къ типу одежды лошадныхъ осяковъ, хотя встрѣчается и меховая.

Кромѣ того, къ особой группѣ должно отнести осяковъ-пѣшеходовъ-звѣролововъ, живущихъ по рѣкѣ Малой Сосѣ и не имѣющихъ ни лошадей, ни олений. Тамъ сообщеніе производится на лыжахъ.

Хотя обыкновенно впряженятся въ нарту нѣсколько собакъ, но тѣмъ не менѣе осякъ, двигалась на лыжахъ со специальными посохомъ въ рукахъ, тянетъ лямку нарты, и, такимъ образомъ, въ разной степени съ собаками участвуетъ въ работе по передвиженію.

Нужно замѣтить, что собачи нарты Мало-сосвинскихъ осяковъ отличаются отъ обыкновенныхъ по своей величинѣ и устройству. Онѣ гораздо длиннѣе, и полозья у нихъ значительно шире, такъ что на нихъ безъ особой обременительности можно перевозить довольно значительный грузъ.

По наружности Мало-сосвинские осяки люди средняго роста, крѣпкаго тѣлосложенія, съ густыми волосами на головѣ, заплетенными у нѣкоторыхъ въ косы. Это едва ли не самая красивая группа осяковъ. Живутъ они въ сравнительно чистыхъ, бревенчатыхъ избахъ съ чувалами, безъ сѣней. Одежду ихъ зимою составляютъ шубы изъ шкурокъ черной утки. Поверхъ шубы надѣвается шабуръ: мужчинами холщевой, а женщинами ситцевый. Мало-сосвинские осяки слывутъ за лучшихъ звѣролововъ; рыболовство же у нихъ развито очень мало. Звѣринымъ промысломъ занимаются даже женщины. Промышляютъ, главнымъ образомъ, лося и соболя.

Осяки не говорятъ однимъ языкомъ повсемѣстно. Чуть ли не въ каждомъ отдельномъ притокѣ языкъ особаго оттѣнка, но въ общемъ осяцкій языкѣ можно раздѣлить на три главныхъ нарѣчія: иртышское, сургутское и березовское, или нижнеобское. Первое господствуетъ во всей рѣчной области Иртыша и отъ его устья вверхъ по Оби до р. Салымы. На рѣкѣ Салымѣ уже существуетъ оттѣнокъ языка, составляющій переходъ къ сургутскому нарѣчію. Сургутское нарѣчіе, считающееся самымъ чистымъ, простирается до границы Томской губерніи и проникаетъ даже въ Нарымскій край; оно, въ свою очередь, подраздѣляется на юганское или нижнее, ваховское или среднее, и вѣсъ-юганское или верхнее. Въ нижнеобскомъ нарѣчіи различаются два оттѣнка: кондинский и обдорский; изъ нихъ первый составляетъ главное звено между обдорскимъ и первыми двумя главными нарѣчіями — иртышскимъ и сургутскимъ. Въ обдорское нарѣчіе вошло много словъ самоѣдскихъ, а въ кондинское — вогульскихъ.

Въ оттѣнкахъ сургутскаго нарѣчія большой разницы не существуетъ. Мой сургутскій объездчикъ — толмачъ, знающій,

главнымъ образомъ, ваховское нарѣчіе, свободно объясняется съ осяками всего сургутскаго уѣзда, включая сюда и Салымскихъ осяковъ.

Хотя осяки официально признаны православными христіанами, въ действительности же они только числятся таковыми. Невозможность частаго посещенія церкви вслѣдствіе отдаленности и незнаніе богослужебнаго языка служатъ главными причинами слабаго ихъ сближенія съ православной религіей; почти все они бываютъ въ церкви однажды въ годъ, во время говѣнія. Большинство изъ нихъ даже и сейчасъ — убѣжденные идолопоклонники.

Христіанство, не проникнувъ глубоко въ сознаніе осяковъ, смыпалось съ языческими воззрѣніями, въ результатѣ чего явились новые религіозные взгляды, представляющіе собой смѣсь христіанства и язычества съ преобладаніемъ постѣднаго.

Вотъ нѣкоторыя изъ религіозныхъ осяцкихъ воззрѣній, перемѣшанныхъ съ суевѣріями и несложныхъ, какъ и сама жизнь ихъ.

Медвѣдь — сынъ Божій, свергнутый съ неба за гордость. Упавъ онъ на землю между двухъ лѣсінъ нагой и въ такомъ положеніи лежалъ долгое время, такъ что обросъ шерстью. Въ одно время Богъ ему сказалъ: „Будеть тебѣ лежать: ходи хотя медвѣдемъ“. Медвѣдь при встрѣчѣ съ человѣкомъ становится на заднія лапы; это значитъ, что онъ спрашивается у Бога, велитъ ли Онъ ему задратъ человѣка. Медвѣдь, какъ сынъ Божій, все знаетъ, и поэтому осяки въ разныхъ жителейскихъ слушають, где по ихъ обычай необходима клятва, производя таковую на головѣ или лапѣ медвѣдя. Ложно поклявшись, неправый человѣкъ всегда попадается медвѣду. Всегда Богъ велѣть человѣку быть медвѣдемъ.

Медвѣдь, задравшій человѣка, предается сожженію вмѣстѣ со шкурой. Опредѣляется же его вина вскрытиемъ желудка: если въ немъ найденъ клубокъ волосъ или что-нибудь похожее на это, значитъ, медвѣдь опоганился — сѣль человѣка.

Для умилиостивленія враждебныхъ силъ осякъ приносить жертвы. Привожу примѣры жертвоприношеній, о которыхъ мнѣ удалось узнать.

Въ 1896 году ваховская осячка видѣла сонъ, что будетъ на народъ болѣзнь, для предотвращенія которой нужно бросить курить табакъ, дѣлать приклады вещами и принести въ

жертву лошадей. Съ Ваха пріѣзжалъ на Обь царочный со-общить объ этомъ. Было рѣшено, начиная отъ юртъ Вартов-скихъ до Покурскихъ (на протяженіи около 100 верстъ), въ разныхъ пунктахъ принести въ жертву 7 лошадей; рѣше-ніе это было исполнено, и, кромѣ того, были пожертвованы приклады.

Въ концѣ июня 1896 г. положены были приклады, близъ юртъ Нижне-вартовскихъ, стоимостью около 70 рублей, и въ Покурскомъ еганѣ, стоимостью рублей на 40—50. Клали Урьевскіе, Ивашкинскіе, Комаровскіе и Покурскіе остыаки.

По словамъ мѣстнаго лѣсного объѣздчика, случайно нашед-шаго въ первыхъ числахъ июля 1896 г. мѣсто приклада близъ юртъ Нижне-вартовскихъ, оказывается, что на островѣ между протокой Чахлонеей и Обью, верстахъ въ 4-хъ отъ юртъ Вартовскихъ, установленъ на вершинѣ березы черепъ оленя, а по сучьямъ развѣшенъ прикладъ, примѣрно рублей на 70. Есть шелковыя и простыя шали, шерстяныя матеріи, платки, сици и миткаль.

У Урьевскихъ остыаковъ имѣется въ лѣсу общественный лабазъ для склада и храненія прикладовъ. Лабазъ богатый; въ немъ, кромѣ Урьевскихъ, есть еще приклады Аганскихъ и Тромъ-юганскихъ остыаковъ.

Понятіе о загробной жизни у остыаковъ, какъ и у всѣхъ малокультурныхъ народовъ, очень смутны. Изъ обрядовъ, сопровождающихъ погребеніе покойника, можно видѣть, что, по ихъ мнѣнію, существованіе человѣка со смертью не прекращается, что онъ будетъ жить и за гробомъ и нуждаться въ тѣхъ же предметахъ, которые были необходимы для него при жизни на землѣ, почему остыаки и кладутъ въ могилу многіе изъ этихъ предметовъ.

Что касается суевѣрій, то все міровоззрѣніе остыака про-никнуто ими. Дѣтскій умъ его не можетъ понять надлежащимъ образомъ окружающихъ его явлений. Всѣ попытки его въ этомъ направленіи ведутъ къ увеличенію количества суевѣрій. Отсюда широко распространенная вѣра въ чудодѣйственную силу шамановъ, которыхъ остыаки приглашаютъ къ больнымъ. Шаманъ предварительно ёсть пангу—сушеный мухоморъ, пьянѣтъ отъ него и затѣмъ ворожитъ, т.-е. собственно кричитъ и играетъ на бубнахъ.

Обряды остыаковъ можно раздѣлить на слѣдующія три

группы: а) обряды, сопровождающіе жертвоприношеніе, б) обряды при погребеніи и в) обряды, совершаемые передъ отправкой на промыселъ. Какъ на примѣръ обрядовъ первого рода, укажу на слѣдующій фактъ. 8-го ноября 1898 года на Покурѣ остыаки совершили жертвоприношеніе. Предназначенную для этой цѣли лошадь изъ пригона подвели къ юртѣ, около которой столпились остыаки. Каждый изъ присутствовавшихъ подходилъ къ лошади и гладилъ ее въ знакъ прощенія, затѣмъ увели ее въ лѣсъ и привязали къ дереву, завязавъ ей глаза. Одинъ изъ остыаковъ, нащупавъ у лошади сердце, закололъ ее длиннымъ копьемъ. Лошадь завизжала, скакнула и свалилась. Послѣ того всѣ остыаки что-то закричали. Подъ струившуюся кровь подставили куженьку, затѣмъ заткнули рану. Съ лошади сняли шкуру, которую пожертвовали въ прикладѣ, а мясо сварили въ котлы у разведенаго тутъ же костра и съѣли.

Объ обрядахъ при погребеніи можно составить понятіе по слѣдующимъ собраннымъ мною фактамъ. При прощаніи съ покойникомъ, чтобы онъ не очутился на томъ свѣтѣ за камен-пой стѣной, и можно было бы съ нимъ увидѣться, родные и знакомые точать на брусье ножъ, при чемъ брусье изъ руки въ руки не передаютъ, а кладутъ его на отдѣльное мѣсто для того, чтобы каждый подходилъ и самъ бралъ его. Брусья и въ обыденной жизни остыаки не передаютъ одинъ другому изъ руки въ руку, развѣ только въ какихъ-нибудь стѣшныхъ слuchаяхъ и то не съ ладони, а съ противоположной ея стороны. На Покурѣ весною 1898 г. хоронили остыака Семена Ларомкина. Гробъ сдѣлали шириной въ 1 аршинъ и вышиною въ $\frac{3}{4}$ арш.; положили топоръ, ножъ, ноговицы, ружье, котель, чайникъ, 5 фунтовъ калачей, да въ ротъ дали еще калачъ. Запасной одежды онъ еще при жизни заказывалъ не класть.

Въ февралѣ 1896 года тамъ же, на Покурѣ, хоронили остыакчу Пантелееву. Гробъ сдѣлали шириной въ 6 четвертей и вышиною въ 1 арш., положили съ покойницей 2 зипуна, 5 шалей, котель, топоръ, дратвы для починки, ноговицы и лыжи.

Весною 1898 года въ юртахъ Урьевскихъ хоронили остыакчу Марью Ганджеву. Гробъ сдѣлали, вѣроятно, очень большихъ размѣровъ, такъ какъ въ него положили всю ея одежду, какая у ней только была, — а остыакча была богата.

Покойниковъ обыкновенно хоронятъ въ гробахъ, которые дѣлаютъ изъ досокъ, длиною 3-хъ арш., шириной отъ 1-го до 2-хъ аршинъ, высотою $\frac{3}{4}$ арш. и выше. Покойника одѣваютъ не только въ нижнюю, но даже въ верхнюю одежду и кладутъ ему въ гробъ въ запасъ одежду и пищу—калачей и хлѣба, кромѣ того нѣкоторыя орудія и другіе необходимые предметы: топоръ, ножицъ, котель, чайникъ, лыжи, ружье, лукъ. Всѣ вещи кладутся хорошаго качества въ томъ убѣждѣніи, что на томъ свѣтѣ предстоитъ дальний путь, гдѣ нѣтъ ни дорогъ, ни земскихъ подводъ, ни купцовъ. За пазуху покойнаго кладутъ обстриженные при жизни его ногти, для того, чтобы ему легче было на томъ свѣтѣ подниматься на гору, а то безъ ногтей онъ можетъ скатиться.

Далѣе я приведу выдержку изъ отношенія сургутскаго мирового судьи въ сургутское уѣздное полицейское управление, отъ 2 марта 1902 года.

„При трупѣ инородца юрты Путолинскихъ Локосовской инородной управы, Василія Петрова Курлыкина, вырытомъ изъ могилы для судебнно-медицинского осмотра 28-го минувшаго февраля, оказалось слѣдующее имущество: 1) оленья шуба; 2) черный бараній полуушубокъ; 3) желтый головной платокъ; 4) холщевый армякъ; 5) старая небольшая шуба; 6) старое суконное пальто; 7) оленья шкура; 8) мѣдный котель безъ ручки; 9) деревянная чапка; 10) деревянная сломанная ложка; 11) топоръ; 12) ножъ въ ножнахъ; 13) опояска; 14) три пары ноговицы; 15) пара сапогъ съ голенищами; 16) старая триковая шаровары, 17) корноватикъ; 18) блюдце; 19) чайная чашка; 20) кисетъ съ табакомъ; 21) коробка спичекъ; 22) двѣ стрѣлы; 23) двѣ шапки; 24) два байковыхъ зипуна; 25) табакерка съ нюхательнымъ табакомъ; 26) семь конѣкъ денегъ; 27) изображеніе олена, вырезанное изъ бересты; 28) ситцевая рубаха; 29) триковая шаровары старая; 30) двое рукавицъ; 31) гарусный шарфъ и 32) мѣдный крестъ.

Изъ обрядовъ послѣдней группы можно указать на обрядъ, совершаемый предъ отправкой на рыбный промыселъ. Во время ледохода, предъ сборами на рыбный промыселъ, остатки приносятъ жертву водяному богу. Бьютъ теленка или овцу, сдираютъ кожу и набиваютъ ее сѣномъ, затѣмъ спускаютъ подъ ледь, приговаривая: „Возьми Инкѣ-Ики да поплѣ намъ рыбы“, и тотчасъ же черпаютъ въ ведро воды, несуть ее въ юрту и

гадають о предстоящемъ промыслѣ. Если въ ведре вода крутится, то разсчитываютъ на хорошую добычу рыбы, а если вода спокойна, то полагаютъ, что будетъ плохой уловъ рыбы.

Мнѣ удалось узнать о слѣдующемъ характерномъ обрядѣ, совершающемся предъ отправкой на звѣриный промыселъ. По рекѣ Пиму, въ юртахъ Агалкиныхъ, проживаетъ стариkъ-ворожей, Александръ Агалычъ Каптеровъ. Въ эти юрты ежегодно предъ уходомъ на первый по рѣкоставу звѣриный промыселъ собираются окрестные остатки, и совершаютъ моленіе объ удачномъ промыслѣ.

По сообщенію Т. А. Замятину, вотъ какъ происходило въ 1898 г. означенное моленіе. Всѣ собравшіеся на моленіе остатки отправились изъ юрты сажень за 50, къ небольшому увалоччику, на которомъ стояла сосна арш. 6-ти. У подножія сосны поставили бутылку съ водкой и рюмку и стали кланяться соснѣ; затѣмъ вылили на ея корни сразу три рюмки водки и опять стали кланяться. Послѣ этого одинъ изъ остатковъ вѣзъ на сосну и срѣзаль у ней ножемъ вершину, длиною въ аршинъ, очистилъ ее отъ лишнихъ сучьевъ, такъ что образовалось пѣчто на подобіе креста; затѣмъ остатки вернулись въ юрты, а одного послали за оленемъ. Въ юртахъ заставили остаточку спить рубаху, которую надѣли на сосновую вершину со всѣмъ съ рукавами и подпоясали; самую же вершинку повязали платкомъ и въ такомъ видѣ поставили на нары, поклонились три раза и помѣстили это чучело въ чуваль, плеснули на него три рюмки водки и развели огонь. Когда все сгорѣло, остатки вышли на улицу колоть оленя. Сначала къ морду олена поднесли бутылку вина и рюмку; обступивъ его кругомъ, одинъ разъ поклонились ему. Въ заключеніе два человѣка съ обѣихъ сторонъ вонзили оленю въ сердце ножи, и всѣ присутствующіе остатки вытекающею кровью мазали себѣ лица; потомъ отправились въ юрту, гдѣ устроили пиршество: пили водку и ёли сваренное мясо заколотаго олена.

Смысль и значеніе этого моленія таковы: вершинка сосны, одѣтая въ рубаху и сожженная, это — ангелъ, посыпаемый на небо, чтобы попросить у Бога успѣха въ промыслѣ.

Моленіе это по-остатки называется „пары“. Ипогда, вмѣсто олена, колютъ овцу, теленка или жеребенка. Кромѣ того, каждый изъ отправляющихся на звѣриный промыселъ вѣшаетъ на дерево бѣлый коленкоръ или миткалъ, смотря по средствамъ,

отъ 2-хъ до 10 арш., приговаривал: „Возьми Вонть-Ики“ (лѣсной богъ). Если кто не сдѣлалъ приклада, то считается себя грѣшнымъ предъ Богомъ и даже боится ходить въ лѣсъ-урмаль, отчего происходит упущеніе въ промыслѣ.

Вогулы, о которыхъ я хочу говорить, живутъ въ бассейнѣ р. Сосвы, составляя двѣ волости: Сосвинскую и Ляпинскую. Количество ихъ приблизительно можно опредѣлить цифрой 2.400 душъ обоего пола.

Они роста средняго; волосы имѣютъ черные, заплетенные, какъ и у осяковъ, въ косы; цветъ лица темный, глаза узкіе, склады значительно выдавшіяся, растительность на лицѣ слабая; руки длинныя; ноги слегка кривыя.

По сравненію съ осяками, вогулы выглядятъ болѣе здоровыми и крѣпкими, потому что они ростомъ выше осяковъ, и нѣтъ у нихъ той вялости, которая присуща первымъ. Они довольно выносливы, хотя и не отличаются особенной силой. Несмотря на свою неуклюжесть, вогуль проявляетъ замѣчательную ловкость и отвагу, когда онъ гонится за звѣремъ на лыжахъ или скользить на своей маленькой лодочкѣ по бѣльющимъ гребнямъ рѣчныхъ волнъ.

Хотя у вогула такія помѣщенія, какъ бревенчатыя избы и дома русскаго типа, какіе встрѣчаются у нѣкоторыхъ осяковъ,—рѣдкость, и живутъ они, преимущественно, въ юртахъ, однако вогульскія юрты значительно лучше осяцкихъ: онъ чище и просторнѣе, потому что строятся съ сѣнями. Вогульская юрта представляетъ собою бревенчатую избу, проконопаченную мхомъ и покрытую тесомъ. Въ ней имѣется полъ, потолокъ и окна со стеклянными рамами. Въ одномъ изъ угловъ юрты—чувалъ-каминъ, дымъ изъ котораго выходитъ въ сквозную трубу, составляющую одно цѣлое съ чуваломъ.

У вогула, равно какъ и у осяковъ, имѣются свои особы единицы времени и пространства. Такъ, длину они мѣряютъ на ручную сажень, а разстояніе опредѣляютъ по оленему бѣгу, причемъ разстояніе, которое олень можетъ пробѣжать безъ отдыха, равное приблизительно 10-ти нашимъ верстамъ, принимается за единицу пространства. Поэтому, напримѣръ, на вопросъ: далеко ли до такихъ-то юртъ, отвѣчаютъ: „три олени побѣжки“, или „три олени мѣрки“. Дальнія разстоянія опредѣляются числомъ дней хода на лыжахъ, причемъ ходъ

въ осенний день считается не свыше 25 верстъ. Кратчайшее время опредѣляется по варкѣ котла, т.-е. считается время, въ продолженіе котораго можетъ свариться въ котлѣ пища, 1—2 часа.

Главные промыслы вогуль — рыболовство и звѣроловство. Въ области рыболовства немаловажную роль играетъ называемая сосвинская сельдь, составляющая одинъ изъ важнейшихъ пищевыхъ продуктовъ. Обыкновенно каждая семья наспушиваетъ на зиму не менѣе 5—6 пудовъ.

Вогулы слытуть за хорошихъ звѣролововъ и не безъ основанія: привычки звѣра, населяющаго ихъ лѣса, изучены ими въ совершенствѣ, такъ что вогуль рѣдко упускаетъ звѣра, котораго онъ замѣтилъ. У Сосвинскихъ вогуль звѣроловный промыселъ начинается съ конца августа и продолжается до половины апреля, но ведется онъ не сплошь, прерываясь рыболовствомъ и пьянствомъ, такъ что много благопріятнаго для промысла времени упускается. У вогуль Ляпинскихъ добыча звѣра—незначительна, такъ какъ архангельскіе кочующіе зыряне, наводнія этой край своими олеными стадами, ранѣе вотчинниковъ уѣзываютъ обловить звѣропромышленныя мѣста.

Вогулы занимаются также и оленеводствомъ. Олени у нихъ пасутся, какъ лѣтомъ, такъ и зимою на однихъ и тѣхъ же опредѣленныхъ мѣстахъ. Каждый вогуль со стадомъ останавливается на мѣстѣ прошлогодней стоянки. Случается, что олени въ концѣ зимы уходятъ одни на Ураль въ тѣ мѣста, где паслись въ минувшемъ году. Въ умѣренное лѣто мѣсто пастьбы меняется 2—3 раза, а въ жаркое и болѣе.

Вогулы такъ же, какъ и осяки, остаются чуждыми христианству. Вѣрованія ихъ представляютъ полное сходство съ осяцкимъ міровоззрѣніемъ.

III.

Само́йды.

Общая характеристика само́йдовъ.—Ихъ жилища.—Само́йды Каменные и Низовые.—Годовой кругооборотъ ихъ кочевокъ.—Дѣление само́йдовъ на роды и ватаги.—Подраздѣление Низовыхъ само́йдовъ на само́йдовъ р. Ныды,—Тазовской губы,—низовьевъ р. Пура,—р. Таза и степныхъ само́йдовъ.—Казыкские бродячие само́йды—лѣсные.—Материалы и предметы одѣжды изъ оленыхъ шкуръ.—Пьянство и эксплоатація само́йдами своей братіи.—Народъ Нижъ-самар-яхъ.

Само́йды роста ниже средняго, но сложенія крѣпкаго; они—широкоплечи, съ большой головой, узкимъ лбомъ и круглымъ лицомъ; цвѣтъ кожи у нихъ изжелта-смуглый, скулы выдавшися, какъ у монголовъ, глаза узкие, волоса черные и жесткіе, руки и ноги короткія. По внѣшнему виду само́йдинъ здоровѣе осяка и даже вогула. Само́йды—почти всѣ идолопоклонники. Живутъ они въ чумахъ. Само́йдскій чумъ—конусо-видная палатка. Остовъ ея—тонкіе деревянные шесты, поставленные комлевыми заостренными концами наклонно къ землѣ, на разстояніи до 3-хъ четвертей другъ отъ друга, тонкіе же концы скрѣплены въ одномъ общемъ гнѣздѣ, где находится отверстіе для выхода дыма. На шесты эти натягиваются спиція олены шкуры. При перекочевкѣ чумъ перевозится на особыхъ партахъ и складывается не болѣе, какъ въ два часа. Дѣломъ этими обыкновенно занимаются женщины. Въ срединѣ чума кладется желѣзный листъ, на которомъ устраивается очагъ. По бокамъ очага кладутся доски, застилаемыя олеными шкурами.

Оленеводство въ жизни само́йдина играетъ настолько видную роль, что самая жизнь этого племени приоровлена къ потребностямъ и жизни этихъ полезныхъ животныхъ. Само́йдинъ не имѣеть постоянного и опредѣленного мѣстопребыванія, а по обыкновенію движется вмѣстѣ съ принадлежащимъ ему стадомъ оленей, мѣняющимъ мѣста пастища соответственно времени года.

Само́йды населяютъ зону полярнаго сѣвера. Кочевья ихъ занимаютъ все побережье Ледовитаго океана отъ Уральскаго хребта до Тазовской губы. Они подраздѣляются на двѣ группы:

(50)

Каменныхъ и Низовыхъ: Кочевья Каменныхъ само́йдовъ простираются отъ вершины рѣки Соби вдоль по Уральскому хребту до Карского моря; здѣсь они сходятся съ Пустозерскими само́йдами Архангельской губерніи. На востокѣ же кочевья Каменныхъ само́йдовъ простираются до Обской губы. Кочевья Низовыхъ само́йдовъ находятся между Обскою и Тазовскою губою и на востокѣ граничатъ съ кочевьями Юракскихъ само́йдовъ Енисейской губерніи.

Мѣсто лѣтнихъ кочевій Каменныхъ само́йдовъ—полуостровъ Ялмаль, откуда они со своими олеными стадами къ концу сентября перекочевываютъ къ берегамъ Оби и вслѣдъ затѣмъ по рѣкоставу (конецъ октября) переваливаютъ Обь, главнымъ образомъ, между Пуйко и Мысомъ Жертвъ. Въ среднемъ, изъ числа ихъ переходятъ Обь у „Хе“—35 оленыхъ стадъ=57 чумовъ съ населеніемъ въ 280 душъ, выше „Хе“ на 40 верстъ, въ мѣстности „Котопъ-юганъ“,—отъ 20 до 50 оленыхъ стадъ и ниже Хе на 25 в., у Мыса Жертвъ—до 30 стадъ. Бывають случаи, что часть оленыхъ стадъ остается на зимовку по ту сторону Оби.

По перевалкѣ они кочуютъ между рѣками Надымомъ, Полуумъ и Обью, направляясь, преимущественно, въ вершину Полуя.

Съ марта мѣсяца начинается обратное движеніе само́йдовъ къ мѣстамъ лѣтнихъ кочевокъ; въ періодъ съ конца марта и до половины апрѣля они переваливаютъ Обь.

Кочуя въ этой смѣшанной области тундръ и лѣсовъ въ теченіе 4-хъ мѣсяцевъ (ноябрь, декабрь, январь и февраль), они занимаются звѣроловствомъ, а также, пользуясь обиліемъ лѣса, заготовляютъ необходимые въ ихъ обиходѣ предметы.

За этотъ періодъ они посѣщають Обдорскъ три раза.

Въ первый разъ, вслѣдъ по перевалкѣ черезъ Обь въ ноябрѣ мѣсяца,—исключительно за покупками припасовъ и въ то же время для опредѣленія цѣнъ на свои товары, для чего и привозятъ незначительное количество товаровъ, и если даютъ имъ цѣны неподходящія, то увозятъ товары назадъ. Во второй разъ, съ половины декабря и до 20 января,—для положенія ясака и сбыта товаровъ и, паконецъ, въ третій разъ (очень немногіе)—въ марта мѣсяца, передъ окончательной отправкой въ мѣста лѣтнихъ кочевій.

Самый значительный ихъ прїездъ бываетъ во второй разъ,

(51)

причемъ, разумѣется, прѣѣжаютъ не всѣ, остальная часть ихъ остается при стадахъ въ мѣстахъ кочевий.

Каменные самоѣды—оленеводы и звѣроловы; въ озерахъ и рѣчкахъ Ялмала они ловятъ рыбу сѣтами и маленьками неводками, но только для своего пропитанія.

Товаръ ихъ главнымъ образомъ,—оленіи шкуры, а также шкуры бѣлаго медвѣда, песца, тюленя, моржа; привозить и мамонтовую кость.

Низовые самоѣды болѣе осѣдлы, чѣмъ ихъ сосѣди Каменные, и имъ не приходится дѣлать такихъ большихъ переходовъ въ мѣста зимнихъ кочевий оленевыхъ стадъ; они занимаютъ пространство отъ р. Ныды до рр. Пура и Таза и полуостровъ, заключенный между Обскою и Тазовскою губою, кочуютъ также и въ Надымской вотчинѣ остатковъ. Въ свою очередь, на ихъ земляхъ кочуютъ остатки-оленеводы. Кочевья самоѣдовъ, болѣе или менѣе постояннаго характера, расположены, главнымъ образомъ, у Обской и Тазовской губы, а также по рѣкамъ и рѣчкамъ; свои оленіи стада на лѣто они отгоняютъ къ морю подъ присмотромъ пастуховъ; остальные свободные члены семьи занимаются въ это время рыболовствомъ.

Низовые самоѣды-оленеводы, рыболовы и звѣроловы—снимаются со своихъ мѣстъ въ ноябрѣ, направляясь одни преимущественно съ рыбой и пушниной на Сургутъ, а другіе, исключительно съ одной пушниной,—на Обдорскъ; послѣдніе по пересѣченіи на своемъ пути рѣки Надима оставляютъ здѣсь свои оленіи стада, а съ товарами отправляются въ Обдорскъ для положенія ясака въ январѣ мѣсяцѣ, откуда въ двадцатыхъ числахъ января отправляются обратно къ стадамъ и, переваливъ Надымъ, пасутъ тамъ оленей въ теченіе февраля, промышляя въ то же время звѣря. Съ марта же мѣсяца начинается обратная перекочевка къ своимъ мѣстамъ.

Эти двѣ группы самоѣдовъ (Каменные и Низовые) подвѣдомственны Обдорской инородной управѣ. Каждая группа раздѣляется на роды, каждый родъ на ватаги (ватажный старшина вносить ясакъ за свою ватагу).

Воспользовавшись наѣздомъ въ зиму 1901—1902 г. на сургутскую ярмарку Низовыхъ самоѣдовъ, я при помощи переводчиковъ разспроснымъ путемъ собралъ нѣкоторыя данные относительно этихъ самоѣдовъ.

Всѣхъ Низовыхъ самоѣдовъ можно раздѣлить на слѣдующія

5 группъ: 1) самоѣдовъ р. Ныды, 2) Тазовской губы, 3) низовьевъ р. Пура, 4) р. Таза и 5) степныхъ самоѣдовъ.

Ныдские самоѣды, главнымъ образомъ,—рыболовы; звѣропромысленниковъ между ними почти нѣть вовсе. Оленеводство у нихъ не богатое и только у двухъ самоѣдовъ (Ламбу-салынтиеръ и Иволи-ятни) есть по 100 оленей, а у остальныхъ, большею частью, отъ 20 до 40 штукъ.

Самоѣды низовьевъ р. Пура и степные—оленеводы-звѣроловы. Три эти группы со своими товарами єздятъ, преимущественно, въ Обдорскъ. Самоѣды рѣки Таза—рыболовы-оленеводы. Они находятся въ вѣдѣніи Туруханского стана, Енисейской губерніи. Самоѣды Тазовской губы проживаютъ, главнымъ образомъ, по лѣвой сторонѣ губы. Они занимаются оленеводствомъ, рыболовствомъ и звѣроловствомъ. Большая часть ихъ везетъ товары свои—рыбу и пушнину—въ Сургутъ, остальные же, главнымъ образомъ съ пушниной—направляются въ Обдорскъ. Самыми богатыми считаются степные енисейские самоѣды, кочующіе между Тазовскою губою и рѣкою Енисеемъ.

Кромѣ Каменныхъ и Низовыхъ самоѣдовъ, причисленныхъ къ Обдорской инородной управѣ, состоять еще въ вѣдѣніи Казымской управы, такъ называемые бродячіе самоѣды (лѣсные самоѣды—Пянъ-хѣзово), всего 6 ватагъ: Тази, Нянкчу, Убъ, Халь, Лянкепе и Нечу. Первые три изъ нихъ считаются „далнѣю самоѣдью“, такъ какъ они кочуютъ даже до Туруханска. Остальные три называются „мозымской самоѣдью“; они кочуютъ по рѣкѣ Назыму, который самоѣды и остатки называютъ Мозымомъ, и въ вершинахъ и притокахъ рѣкъ: Казима, Ляминъ, Тромъ-югана, Аганы, Надима, Пура и Таза.

О домашнемъ бытѣ самоѣдовъ уже много писалось путешевственниками и изслѣдователями-этнографами; ничего новаго я добавить не могу и потому не буду распространяться обѣ этомъ; скажу лишь объ одѣждѣ, что, впрочемъ, почти въ равной степени относится къ остаткамъ и вогуламъ.

Самоѣды бѣлья не носятъ, всю одѣжду шьютъ изъ оленевыхъ шкуръ оленными жилами. Выдѣлку шкуру производятъ сами; для лѣтней одѣжды выдѣлываютъ шкуры безъ шерсти. Типъ одѣжды у самоѣдовъ и остатковъ одинаковъ.

Слѣдуетъ отмѣтить, что самоѣды въ отношеніи одѣжды гораздо опрятнѣе остатковъ: на ночь самоѣды надѣваютъ другую

одежду, а бывшую въ употреблении днемъ выколачиваютъ на морозѣ.

Кстати, говоря объ одѣждѣ, я не могу не остановиться на томъ обстоятельствѣ, что на бывшей недавно въ Петербургѣ международной выставкѣ костюмъ самоѣдской гусь былъ выставленъ за надписью „самоѣдская малица“.

Далѣе я приведу перечень матеріаловъ, получаемыхъ изъ оленыхъ шкуръ.

Пешка — шкурка маленькаго теленка, погибшаго вслѣдъ за теленiemъ отъ неблагопріятной погоды. Нарочно его никогда не бываютъ: это было бы убыточно. Идетъ, преимущественно, на треухи, шапки и одѣжду для дѣтей.

Неплюй — шкурка теленка, убитаго послѣ линяния, на пятомъ мѣсяцѣ отъ теления (конецъ августа). Сортовъ неплюя много. Чѣмъ теленокъ моложе, тѣмъ шерсть на немъ темнѣе, и такая шкурка цѣнится выше. Шкурка теленка, убитаго осенью, въ сентябрѣ и октябрѣ, идетъ подъ видомъ большеперстаго неплюя; называются такую шкурку и выросткомъ. Идетъ, преимущественно, на дохи и парки, а также на ягушки, малицы и гуси.

Постель — шкура взрослого, Ѣзженного оленя. Идетъ не только для постелей, но и для постилки на партахъ, а также для покрышки клади, взамѣнь рогожи, при перевозкѣ.

Постель осенняя — шкура взрослого оленя, убитаго послѣ линяния (въ сентябрѣ и октябрѣ). Шкуры этого рода, будучи короткошерсты, сравнительно съ обыкновенной постелью, идутъ на шитье одѣжды.

Кисы — шкура съ оленыхъ ногъ. Идетъ на узорчатую вышивку, рукавицы и обувь.

Лобъ. Идетъ на подошвы къ обуви.

Жилы. Идутъ на выдѣлку нитокъ, которыми шьютъ одѣжду и обувь.

Затѣмъ привожу перечень тѣхъ предметовъ одѣжды, какіе получаются изъ оленыхъ шкуръ.

Ягушка-папны представляеть собою распашную верхнюю женскую самоѣдскую одѣжду. Верхъ — неплюй, подкладъ — выростокъ, воротникъ — песцовыя хвосты, рукавицы — выроиль. ковыя лапы, узорчатая вышивка — изъ неплюйчатыхъ лапъ. Ягушка подпоясывается поясомъ — нигине.

Капоръ — несово-женскій самоѣдский головной уборъ изъ

головы неплюя, узорчатая вышивка — изъ неплюйчатыхъ лапъ, опушка — бѣлая, изъ песцовыя хвостовъ. Мѣдная украшенія — необходимая принадлежность каждого треуха.

Малица, гусь и парка, въ общемъ представляютъ по по-крою длинную, глухую, безъ разрѣза рубаху съ пришитымъ къ ней треухомъ (чепцомъ) для головы. Эти три вида одѣжды носятся не только самоѣдами и олеными остыками, но, отчасти, и русскими.

Малица-малиція — мужская одѣжда изъ выростка, мѣхомъ внутрь, треухъ-пешка, рукавицы изъ неплюйчатыхъ лапъ, нижняя опушка, панда, изъ собаки. Подпоясывается обыкновенно ремнемъ и у пояса подбирается — укорачивается; составляеть повседневную домашнюю одѣжду; отъ времени замашивается и засаливается на подобіе полушубка. Будучи же покрыта соотвѣтственнаго размѣра сорочкою, длиною лишь до панды, изъ цвѣтной бумаги, малица составляеть одѣжду нарядную, и тогда подпоясывается уже наряднымъ поясомъ.

Гусь, кумышъ-сѣвокъ — верхняя мужская одѣжда изъ выростка, мѣхомъ наружу, опушка на треухъ — изъ песцовыя хвостовъ. Суконные лоскутки на спинѣ — необходимая принадлежность каждого гуся. Гусь надѣвается въ холодную погоду сверхъ малицы.

Парка — верхняя одѣжда, преимущественно изъ неплюя, треухъ, большою частью — голова неплюя, узорчатая вышивка — изъ неплюйчатыхъ лапъ и сукна. Взамѣнь бумазейной сорочки надѣвается на малицу.

Кисы — пимы, чижи — чулки. Кисы — изъ лапъ выростка и старого оленя, шерстью наружу. Чижи — изъ неплюя и выростка, шерстью внутрь. Женскіе кисы разнятся отъ мужскихъ лишь узорчатой вышивкой.

Поясь — Ни и ножъ — Харъ — необходимая принадлежность каждого самоѣдина. Поясь состоитъ изъ широкаго кожанаго ремня съ большой мѣдной пряжкой, обтянутаго краснымъ сукномъ. На немъ посажено до сотни мѣдныхъ пуговицъ, 10 подвѣсковъ, 25 колечекъ и 4 цѣпочки. Къ поясу подвѣшены ножъ съ ножнами и кошелекъ, вышитый бисеромъ, для помѣщенія трута и огнива. Ножи самоѣды куютъ сами изъ старыхъ подшилковъ, для ноженъ покупаютъ тонкую мѣдную жесткость; ножны, черенки къ ножамъ а также и кошелеки дѣлаютъ сами.

Пьянство широко распространено среди всѣхъ инородцевъ,

но нигдѣ оно не связано съ такой эксплоатацией своей же братіи, какъ среди самоѣдовъ.

Самоѣды рѣки Ныды всю свою осеннюю добычу подледнаго промысла пыжьяна везутъ въ Сургутъ. На вырученныя отъ продажи пыжьяна деньги покупаютъ почти исключительно вино, которое выпѣниваютъ впослѣдствіи на оленей Тазовскимъ и Пуровскимъ самоѣдамъ, хлѣба же покупаютъ только на проѣздѣ. Закупивъ вина, Ныдскіе самоѣды отправляются домой. Встрѣчныхъ Низовыхъ самоѣдовъ они сначала угощаютъ, и сами пьютъ вмѣстѣ съ ними, а затѣмъ уже торгуютъ виномъ, причемъ за маленькаго олена даютъ 2 бутылки, за средняго 4, а за большого 5—6 бутылокъ. Нерѣдко случается, что Пуровские и Тазовские самоѣды, будучи не въ состояніи, подъ влияніемъ временнаго опьяненія, продолжать дальнѣйшій путь, остаются на мѣстѣ встрѣчи съ Ныдскими самоѣдами. За время остановки ихъ на этомъ мѣстѣ подходятъ слѣдующіе чумы, такъ что, въ концѣ концовъ, образуется цѣлый сѣвѣръ самоѣдовъ, гдѣ пьянство продолжается иногда въ теченіе нѣсколькихъ дней.

Приведу еще цифру, освѣщающую данный вопросъ. По приблизительному подсчету, изъ Сургута во время самоѣдской ярмарки самоѣдамъ отпускается вина до 1500 ведеръ.

А. И. Якобій въ 1894 году открылъ на рѣкѣ Надымѣ еще одинъ народецъ, который остики называютъ Нях-самар-яхъ. Народъ этотъ монгольскаго типа и по внешнему виду почти не отличается отъ самоѣдовъ, но языкъ его не имѣетъ никакого сходства ни съ самоѣдскимъ, ни съ остиакимъ.

IV.

Зыряне.

Роль и значеніе ихъ въ жизни Тобольскаго сѣвера. — Общая характеристика проживающихъ въ краѣ зырянъ. — Районъ ихъ кочевокъ. — Причины усиленія здѣсь зырянского элемента. — Село Ижма и его значеніе въ торговлѣ Тобольскаго сѣвера. — Зырянский вопросъ. — Зырянская колонія Сарань-пауль. — Значеніе зырянъ въ дѣлѣ колонизаціи Тобольскаго сѣвера. — Общий выводъ и указаніе необходимыхъ мѣръ по зырянскому вопросу.

Всѣ проживающіе въ Березовскомъ краѣ зыряне, какъ кочевые, такъ и осѣdlые (въ г. Березовѣ и селахъ: Обдорскѣ,

Мужахъ и деревнѣ Сарань-пауль) —ижемцы; здѣсь ихъ называютъ сѣверными жидами, такъ какъ они смѣщеніе и развитіе самоѣдовъ и остиковъ и обладаютъ болѣшими способностями къ торговлѣ. „Народъ-экспертъ“, какъ выражаются въ Обдорскѣ о зырянахъ, характеризуя ихъ пронырливость. Народъ этотъ — крѣпкій, трудолюбивый и выносливый, по наружности подходитъ къ великороссу.

Между ними часто попадаются мастера-ремесленники.

Районъ кочевокъ зырянъ обнимаетъ собою пространство съ запада на востокъ отъ Урала до Оби и даже за Обью, между рр. Полуемъ и Куноватъю, причемъ нерѣдко они переходятъ и Полуй, до р. Надымъ и даже Надымъ, направляясь съ торговлемъ на встрѣчу Низовымъ самоѣдамъ.

По Уралу зырянскія кочевья раскинуты отъ р. Ляпина и до Байдарацкой губы. Въ сентябрѣ и октябрѣ зыряне со своими стадами спускаются съ Урала; большая часть ихъ остается для зимней кочевки между рр. Ляпиномъ и Сыней, меньшая направляется въ бассейнъ р. Сыни и къ Оби, переваливая послѣднюю въ октябрѣ или ноябрѣ на всемъ ея протяженіи отъ села Мужей до Обдорска и ниже на 70 верстъ, до Имберніоля (юрты Вулыпослинскія), при чемъ заходятъ на востокъ даже до вершины р. Полуя. Обратная перевалка начинается въ мартѣ. За Ураломъ зырянскія зимовья и кочевья раскинуты по р. Усу. Кочующіе въ предѣлахъ Тобольской губерніи зыряне имѣютъ постоянное общеніе съ зауральскими своими собратьями, какъ кратчайшимъ путемъ, такъ и черезъ Ляпинъ, отчего между Ураломъ и Обью существуетъ оживленіе движеніе, нарушающее тишину лѣсовъ; поэтому и звѣри тамъ не такъ обильно, какъ на востокѣ отъ Большой Оби. Причина такого оживленія движения заключается въ томъ, что торговля почти всѣми товарами оленеводства и, частью, рыбой и пушниной находится въ рукахъ богатыхъ зырянъ, и товары эти транспортируются въ с. Ижму кочующими здѣсь зырянами, при чемъ перевозъ чрезъ Ураль совершается по Сибиряковской дорогѣ — Ляпинъ-Печорской.

Наплывъ кочующихъ зырянъ усилился — и, главнымъ образомъ, въ предѣлахъ Ляпинской волости — около 20-ти лѣтъ тому назадъ, послѣ водворенія въ этомъ краѣ сибиряковскаго дѣла. Въ первые годы Сибиряковъ сплавляли по Ляпину свыше 100 т. пудовъ хлѣба, который транспортировался за Ураль,

на Печору, для чего требовались большие перевозочные средства. Это обстоятельство и привлекло сюда оленныхъ кочующихъ зырянъ, пріобрѣвшихъ отъ перевозки хлѣба солидный заработка. До этого зырянские чумы близъ реки Ляпина появлялись весьма рѣдко, въ настоящее же время зырянъ кочуетъ до 20-ти чумовъ съ 20—30 тысячами головъ скота, главнымъ образомъ, между юртами Межишаульскими и Ляпинской пристанью.

Зырянскія оленныя стада находятся здѣсь 5 мѣсяцевъ: съ ноября по мартъ, оставшое же время кочуютъ по Уралу, откуда они въ началѣ зимы спускаются, подвигаясь въ направлении, параллельномъ Уралу. Каждый хозяинъ гонитъ свое стадо отдельно, чтобы не мѣшать своихъ оленей съ чужими, для чего прорубаются въ лѣсу просѣки; такихъ параллельныхъ просѣкъ прорубается до 10, въ разстояніи 4—5 верстъ другъ отъ друга.

Село Ижма—средоточіе обработки зѣвшаго оленѣаго сырья. Въ этомъ селѣ до 20 замшевыхъ заводовъ; на нихъ выдѣляется грубая замша, окончательная обработка которой производится въ Москвѣ. Въ Ижму изъ Обдорска отправляется весь неплой, болѣе толстый, чѣмъ тотъ, что идетъ на дохи, а также почти вся крупная оленина, или такъ называемая постель (до 15 т. шкуръ). Кроме того, транспортируется, хотя и въ небольшомъ количествѣ, рыба, которая изъ Ижмы поступаетъ на сосѣднія ярмарки (Пинегу и др.) и даже въ Петербургъ.

Осѣдлые зыряне (торговцы и рыболовы) полезны, какъ сильные конкуренты мѣстнымъ русскимъ торговцамъ въ дѣлѣ скунски пушинъ и оленѣаго сырья у инородцевъ, повышая цѣны на эти товары. Кочующіе оленеводы привозятъ въ незначительномъ количествѣ разные товары, необходимые въ обиходѣ инородцевъ, какъ-то: топоры, пешни, котлы, арканы, деревянную посуду и проч., но главный и значительный товаръ ихъ привоза—это оленье мясо. За послѣднія пять лѣтъ оленѣаго мяса привозилось въ Обдорскъ ежегодно въ количествѣ отъ 3 до 5 тысячъ тушъ, вѣсомъ отъ 7 до 12 тысячъ пудовъ. Почти все это мясо даютъ олени стада кочующихъ здѣсь зырянъ; мѣстные оленеводы даютъ лишь незначительное количество мяса.

Хотя присутствіе здѣсь зырянъ, повидимому, и полезно для края, по многіе—противъ нихъ, какъ кочевыхъ, такъ и осѣдлыхъ. Зыряне вездѣ сильные конкуренты русскимъ торговцамъ,

и, естественно, вызываютъ неудовольствіе и даже антагонизмъ къ себѣ послѣднихъ. Оченьѣѣоятно, что по проискамъ и подстрекательствамъ русскихъ торговцевъ поступаютъ отъ инородцевъ тѣ жалобы, послѣдствія которыхъ были бы очень плачевны для зырянъ, если бы решеніе мѣстной администраціи было приведено въ исполненіе. Привожу ниже слѣдующій фактъ. Въ началѣ 1896 года администрацией было сдѣлано распоряженіе о поголовномъ выселеніи всѣхъ зырянъ, проживающихъ въ деревнѣ Саранть-пауль, Березовскаго уѣзда, при чемъ, кажется, было объявлено, что они должны выселиться въ 2 или 3-хъ мѣсячный срокъ. Зыряне поспѣшили подать прошеніе въ Петербургъ, въ которомъ ходатайствовали о пріостановкѣ и совершенной отменѣ этого распоряженія и о возвращеніи ихъ въ дер. Саранть-пауль. На ихъ прошеніе не замедлило послѣдовать распоряженіе о пріостановкѣ и отменѣ выселенія, вторая же часть ходатайства не удовлетворена и по настоящее время.

Считаю недлиннимъ изложить данные объ этой зырянской колоніи, состоящей изъ 40 домовъ и 300 душъ населения.

Заселеніе описанного пункта зырянами началось около 50 лѣтъ назадъ съ согласія мѣстныхъ инородцевъ, при чемъ за дозволеніе уплачено инородцамъ по 25 рублей съ каждого домохозяина, и платится ежегодный оброкъ за право жительства, независимо отъ платежей за пользованіе лугами, пастбищами и рыболовными мѣстами.

Пунктъ Саранть-пауль (остацкое название; по-русски—зырянская деревня) расположены по р. Лапину въ 5 верстахъ ниже Ляпинской пристани Сибирякова.

Этотъ зырянский поселокъ одинъ изъ важнѣйшихъ транзитныхъ пунктовъ между Обдорскомъ и Мужами, рынками оленѣаго кожевенного сырья, и селомъ Ижмой, пунктомъ обработки этого сырья. Въ этотъ поселокъ заѣждаютъ самойды-оленеводы для мѣновой торговли, а также и кочующіе зыряне-оленеводы изъ-за Урала. Чрезъ Саранть-пауль направляется и мороженая рыба съ низовьевъ Оби за Ураль. Въ 5 верстахъ отъ этого пункта, именно отъ Ляпинской пристани, начинается зимній Сибиряковскій путь черезъ Ураль-Ляпинь-Печорский. Проживающіе въ дер. Саранть-пауль зыряне—осѣдлы, занимаются разными работами на сосѣдней сибиряковской пристани, извозомъ, а также мѣновой торговлей.

Наличное количество корма вполнѣ обеспечиваетъ успѣш-

ное развитие скотоводства въ приуральской части Березовского края.

Хлѣбопашество, хотя отчасти и возможно въ данномъ районѣ, но, во всякомъ случаѣ, оно одно не можетъ обезпечить населенія. Поэтому и на заселеніе этого края только крестьянами-хлѣбопашцами разсчитывать невозможно, а следовательно и нельзя быть разборчивымъ въ выборѣ того или другого элемента переселенцевъ. Естественно, что самый подходящій элементъ будущихъ переселенцевъ въ этомъ краѣ—сосѣдніе зауральские выходцы, условия быта которыхъ болѣе или менѣе тождественны съ условиями быта въ здѣшней мѣстности.

Въ настоящее время зыряне-ижемцы пока единственное связующее звено съверныхъ окраинъ Европы и Азіи, и, какъ никто другой, пригодны для выполненія этой миссіи.

Между тѣмъ зырянъ упрекаютъ въ томъ, что они, сравнительно недавно начавъ заниматься оленеводствомъ, исключительно какъ промысломъ для наживы, ведутъ дѣло самыми хищническими образомъ. Громадные стада ихъ подолгу застаиваются на одномъ мѣстѣ и не только выгѣдаются весь ятель до корня, но еще вытаптываютъ мѣсто такъ, что оно походитъ на вспаханное поле.

Что касается до нерационального веденія зырянами пастьбы оленей, то, разумѣется, это весьма печально, и противъ этого надо принять мѣры; упрекать же зырянъ въ томъ, что они занимаются оленеводствомъ, исключительно какъ промысломъ для наживы,—едва ли основательно. Это уже будетъ протестъ противъ развитія оленеводства, а следовательно и противъ экономического развитія, которое находится въ зависимости отъ средствъ передвиженія, да и самая жизнь въ этомъ краѣ по климатическимъ условіямъ немыслима безъ оленеводства.

Возражу и противъ утвержденія недавности зырянского оленеводства. По запискамъ Латкина, юзившаго на Печору въ 1843 году, ижемцы тогда уже владѣли 120 т. головъ скота.

Зыряне вытаптываютъ тундру: это я слышалъ отъ другихъ; о томъ, что они торгуютъ спиртными напитками, воруютъ и даже, случается, грабятъ оленей у здѣшнихъ инородцевъ, облавливаютъ звѣропромышенныя мѣста, совершаютъ самовольныя порубки лѣса: это уже я знаю самъ.

Разумѣется, все это—дѣянія не только вредны, но и преступны, за которыхъ радѣтели интересовъ здѣшнихъ инород-

цевъ не прочь бы выселить отсюда за Ураль всѣхъ зырянъ поголовно.

А вотъ картинка. Остяки и самоѣды съ рр. Надымомъ и Ныдомъ являются въ Сургутъ и даже въ с. Тундринское съ рыбой, преимущественно пыжьяномъ, котораго привозятъ годами до 3.000 пуд.—ralьше всѣхъ инородцевъ, нерѣдко даже въ концѣ ноября мѣсяца. Продавъ рыбу, они закупаютъ только необходимое для своего обихода, большая же часть выручки идетъ на покупку вина, съ которымъ они стремятся назадъ на встрѣчу движущимся на Сургутъ самоѣдамъ рр. Пура и Таза и ведутъ съ ними бойкую бесплатную торговлю виномъ, продавая его не дешевле рубля за бутылку.

А нѣкоторые богатые самоѣды увозятъ изъ Сургута каждый по нѣскольку десятковъ ведеръ водки развѣ для своего собственного употребленія? Они даже специально скупаютъ бутылки въ Сургутѣ, въ которыхъ продаются сильно разбавленную водку по 1 рублю за бутылку. Они же ссужаютъ бѣдняковъ въ долгъ деньгами и оленями, требуя уплаты вдвое. Дѣянія ихъ также преступны: ихъ-то куда выселить?

Намѣренія радѣтелей интересовъ здѣшнихъ инородцевъ идутъ еще дальше; они не прочь бы выгнать изъ этого края не только зырянъ, но и русскихъ. Оставимъ же ихъ при ихъ несбыточныхъ мечтахъ.

Прежде всего, осѣдо-проживающихъ здѣсь зырянъ слѣдуетъ водворить законнымъ порядкомъ и определить мѣста, на которыхъ будетъ признано возможнымъ, безъ стѣсненія мѣстныхъ инородцевъ, дальнѣйшее водвореніе вновь прибывающихъ зырянъ.

Для кочующихъ зырянъ необходимо назначить предѣльныя границы ихъ кочевій, дальше которыхъ они не могли бы проникнуть; въ этихъ границахъ определить продуктивность тундры, т.-е. выяснить, какое количество скота можетъ прокормиться ежегодно на этомъ пространствѣ безъ оскудѣнія корма въ тундрѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ—выработать условия самаго кочеванія и попутно изучить здѣшнее оленеводство.

Кочевку зырянскихъ оленыхъ стадъ на востокѣ отъ Оби слѣдуетъ воспретить по двумъ главнымъ причинамъ: во-первыхъ, по причинѣ значительного скопленія въ этомъ районѣ оленыхъ стадъ мѣстныхъ самоѣдовъ и, частью, остяковъ, а во-вторыхъ, въ виду того обстоятельства, что зыряне, какъ уже сказано, переходятъ даже Надымъ, направляясь съ торгомъ на встрѣчу

Низовыми само́йдамъ, что вовсе нежелательно въ интересахъ само́йдовъ, такъ какъ такая торговля-мѣна въ пустынной мѣстности, при отсутствіи всякаго надзора и при сильной солидарности между собою зырянъ, можетъ породить злоупотребленія, да и, наконецъ, присутствіе зырянъ съ ихъ стадами на востокъ отъ Оби не вызывается нуждами этого края.

Само собою разумѣется, что при осуществлѣніи предполагаемыхъ мѣропріятій относительно зырянъ, населеніе края увеличится, а также усилившись его торговля и промышленная дѣятельность, наличныхъ же административныхъ силъ даже для нынѣшняго состава населенія недостаточно; поэтому для усиленія средствъ надзора необходимо образовать въ уѣздѣ третій станъ.

Мѣстопребываніемъ Сосвинской и Ляпинской инородной управы, вмѣсто села Сартынинскаго, слѣдуетъ назначить юрты Шоминскія. Послѣднія, находясь на 15 верстъ ниже устья Ляпина, являются болѣе центральнымъ пунктомъ, чѣмъ село Сартынинское, такъ какъ онѣ лежатъ почти на перекресткѣ всѣхъ дорогъ, проложенныхъ въ этой мѣстности. Въ интересахъ же правосудія должно образовать въ Самаровѣ самостоятельный мировой участокъ, къ которому, между прочимъ, слѣдуетъ отнести Елизаровскую волость и часть Кондинской волости Березовскаго мирового участка.

V.

Положительное вліяніе русской культуры на инородцевъ. — Заимствованіе остатками русского домашняго обихода. Обрусѣніе.—Остяки, населяющіе територію Самаровской волости и побережье Оби, на протяженіи отъ с. Самарова до Березова, какъ наиболѣе воспріявшіе русскую культуру.—Вліяніе отрицательного характера. — Пьянство, какъ главный порокъ инородцевъ.—Вопросъ о введеніи въ краѣ казенной винной монополіи въ полномъ объемѣ.—Занесеніе русскими болѣзней.—Современное положеніе медицинской помощи въ краѣ.—Шаманское лечение.—Богульская народная медицина.—Болѣзни инородцевъ.—Вопроѣ объ угасаніи инородцевъ.—Результаты изслѣдованія этого вопроса А. Г. Якобиемъ.—Характеристика материала по вопросу объ угасаніи.—Несоответствіе существующихъ законоположеній объ инородцахъ современнымъ требованиямъ жизни инородческаго населенія.—Годовой кругооборотъ промысловой жизни инородцевъ.—Необходимость населенія продовольствіемъ въ годы стихійныхъ бѣдствій.—Необходимость распространенія въ такие годы на Тобольскій сѣверъ закона о правительственной помощи въ мѣстностяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая.—Необходимость, въ цѣляхъ поднятія благосостоянія населенія, мѣропріятій экономического значенія.—Необходимость легальнаго водворенія русскаго и зырянского населенія.—Вопросъ о введеніи общаго административнаго управлія.—Общий выводъ.

Говоря о вліянії русской культуры на инородцевъ, я хочу указать на фактъ проникновенія въ жизнь инородца русского быта съ его свѣтлыми и темными сторонами. Указанное вліяніе замѣчается конечно, тогда, когда инородцы соприкасаются съ русскими. Въ этомъ отношеніи на первый планъ нужно поставить остяковъ. Тамъ, гдѣ среди остяковъ разбросаны оазисами русскія поселенія, или сами остяки проживаютъ близъ границъ сплошныхъ русскихъ поселеній, весьма замѣтно вліяніе на остаткую жизнь русской культуры. На другихъ инородцахъ, какъ очень рѣдко соприкасающихся съ русскими, вліянія этого почти незамѣтно, такъ что, говоря о немъ, я буду имѣть въ виду преимущественно остяковъ.

Вліяніе положительного характера выражается, главнымъ образомъ, въ томъ, что остяки перенимаютъ у русскихъ черты домашняго обихода. Привожу нѣкоторыя изъ своихъ наблюдений, подтверждающихъ эту мысль.

У Назымскихъ остяковъ Самаровской волости, Тобольскаго уѣзда, проживающихъ въ низовьяхъ р. Назыма, существуетъ почти полный русскій обиходъ. Избы — съ русскими печами; есть

мебель: столы, кровати, даже стулья; есть самовары, и даже водится фамильный чай. Хлебъ пекутъ, какъ ржаной, такъ и крупичатый. Одѣваются въ русскую одежду,—нѣкоторые говорятъ по-русски. У остальныхъ остыаковъ Самаровской волости, проживающихъ на Оби и Иртышѣ, тоже почти русский обиходъ. Многіе говорятъ по-русски, а нѣкоторыхъ даже трудно отличить отъ русскихъ.

Между селомъ Самаровскимъ и г. Березовомъ—двѣ русскія волости: Елизаровская и Кондинская, собственно 8 русскихъ населенныхъ пунктовъ, разбросанныхъ оазисами среди остыаковъ. Проживающіе на этомъ протяженіи по Оби остыаки въ нѣкоторыхъ населенныхъ пунктахъ представляются обрусьвишими: одѣваются въ русскую одежду, всюду слышится русская рѣчь, и даже льются звуки гармоники.

Въ западной части Сургутского края русская культура сказывается только въ ближайшихъ къ границѣ Самаровской волости населенныхъ пунктахъ: юртахъ Балинскихъ, Сахалинскихъ и Тукасскихъ да по р. Салыму.

Салымские остыаки въ числѣ 56 домохозяевъ проживаютъ въ 14 населенныхъ пунктахъ. Они, сравнительно съ другими, культурны; живутъ въ бревенчатыхъ избахъ, которые строятъ сами, держать лошадей повсемѣстно, а въ нѣкоторыхъ юртахъ даже коровъ и овецъ; ихъ женщины пекутъ хлебъ, ткутъ холстъ, вышиваютъ бисеромъ и шерстью. Избы свѣтлыя, русского типа—съ сѣнями, о двухъ и даже трехъ комнатахъ,—имѣютъ глинобитную русскую печь, другую небольшую печь, въ которой вмазанъ котелъ, и, кроме того, чувалъ.

Не то въ средней части Сургутского уѣзда. Едва ли гдѣ хуже обстановка остыаковъ, какъ отъ Сургута до устья р. Ваха, на протяженіи около 250 verstъ; тутъ бѣдность и грязь; рѣдко пекутъ кислый хлебъ, пробавляются лишь прѣсными лепешками. Даѣте положеніе остыаковъ улучшается. Въ юртахъ имѣются небольшія печи для печенія хлѣба; выше с. Александрова начинаютъ появляться русскія избы и рогатый скотъ, а еще выше, отъ юртъ Верхне-вартовскихъ до Нарымской границы,—почти полный русский обиходъ. Но самый народъ на всемъ протяженіи отъ Сургута до юртъ Верхне-вартовскихъ на видъ весьма невзрачный; масса людей сравнительно не старыхъ, а уже сѣдыхъ, съ головой, покрытой струпьями, которые встрѣчаются даже у дѣтей.

Отрицательное вліяніе русской культуры на инородцевъ выражается въ томъ, что послѣдніе переняли отъ первыхъ привычку къ пьянству, распространившемуся среди инородцевъ въ ужасающихъ размѣрахъ.

Если, говоря о проникновеніи русского обихода въ жизнь инородцевъ, я имѣть въ виду, главнымъ образомъ, остыаковъ, то о пьянствѣ можно смѣло трактовать въ приложеніи ко всѣмъ инородцамъ. Всѣ вообще здѣшние инородцы, какъ самобыды, такъ остыаки и вогулы, пьютъ водку; не пьющихъ рѣдко можно встрѣтить. Пьянство у инородцевъ порокомъ не считается, а смерть въ пьяномъ видѣ, по ихъ понятіямъ, есть самая блаженная. Но пусть факты говорятъ сами за себя.

Во время моихъ многочисленныхъ поѣздокъ по остыакскимъ поселкамъ мнѣ часто приходилось наблюдать такую картину: все населеніе юртъ въ теченіе нѣсколькихъ дней поголовно пьянствовало. Остыакъ пользуется всякимъ поводомъ, чтобы напиться вина. Сборы на промыселъ, сопровождающіеся оригинальнымъ обрядомъ, называемымъ „пары“, убийство медведя, коммерческія сдѣлки: все это служить ему указаннымъ поводомъ. Пьянство сопровождается почти всегда ссорами и драками, но безъ судебныхъ послѣдствій. Остыаки разсуждаютъ такъ: „Мы были пьяны, ничего не помнимъ: послѣ этого какой же судь?“

Пользуясь склонностью остыаковъ къ водкѣ и будучиувѣрены въ своей безнаказанности, обыватели Нарымского края вмѣстѣ съ товарами ввозятъ въ Сургутский край и спиртные напитки—продавая ихъ остыакамъ за двойную цѣну и подыгрывая этимъ материальное положеніе инородцевъ, большую частью смутно понимающихъ свои интересы и не умѣющихъ оградить себя отъ эксплуатациіи болѣе культурныхъ сосѣдей. Увѣренность въ безнаказанности своихъ дѣйствій достигаетъ иногда того, что торговля водкой производится совершенно открыто. Въ началѣ 1901 г., въ январѣ или февралѣ мѣсяцѣ, одинъ изъ нарымскихъ торговцевъ, нѣкто Типсина, прѣѣхавъ въ предѣлы Лумпокольской управы,ѣздилъ по юртамъ, предлагая купить у него водки, которую и продавалъ по 1 рублю за бутылку; когда же родовой староста, не имѣя, конечно, никакого представленія о томъ способѣ торговли виномъ, какой допускается закономъ, спросилъ у Типсина, имѣеть ли онъ документъ на продажу вина, то послѣдній, указывая ему на какую-то бумагу, заявилъ, что это развозное свидѣтельство на право продажи водки.

О широкомъ распространеніи пьянства среди самоѣдовъ я уже говорилъ ранее.

Среди вогулъ, обитающихъ по верхнему течению Сосвы, выше устья р. Ляпина, также сильно развито пьянство.

Нѣкоторые оленные вогулы Сосвы и Ляпина везутъ свои товары на продажу въ с. Никито-Ивдельское, Верхотурского уѣзда, Пермской г., откуда, между прочимъ, привозятъ водку, которую покупаютъ какъ для себя, такъ и по заказу другихъ. Отъ ведра заказанной водки отбавляется обыкновенно до четверти ведра, недостающее же количество доливается водою. Заказчики, въ свою очередь, разбавить, и потребитель пить сильно разбавленную водку, платя отъ 1 р. до $1\frac{1}{2}$ рубля за бутылку. Слабую разбавленную водку для крѣпости настаиваютъ табакомъ. Разумѣется, что отъ такой водки инородецъ находится въ полупьяномъ состояніи довольно продолжительное время: по нѣскольку сутокъ и даже съ недѣлю. Въ общемъ, пьянствуютъ съ рѣкостава до положенія ясака; во время самаго положенія и даже далѣе, т.-е. 4 мѣсяца: съ октября по январь. Во время положенія ясака происходитъ страшное пьянство; такъ въ районѣ юртъ Няксимвольскихъ водки скопляется ведерь до 40 и болѣе; изъ русскихъ завозятъ водку не только березовцы, но даже и верхотурцы.

Въ Ляпинъ доставляется ежегодно до 100 ведеръ вина; вино это сборное по заказу разныхъ лицъ для годового ихъ обихода, но между этими лицами мнѣ указали четырехъ человѣкъ, торгующихъ виномъ.

Осенью 1898 года артель изъ 18 чел. вогуль Няксимвольскихъ, Хальпаульскихъ и Искарскихъ въ одну ночь добыла неводомъ около 100 пудовъ нельмы. Послѣ такого удачного промысла пьянствовали 5 сутокъ; взято было 5 ведеръ водки на 100 рублей. Благопріятное для лова время, конечно, было упущенено. И это далеко не единственный случай.

Пьянство—главный порокъ инородцевъ Сѣвера и, вмѣстѣ съ лѣнностью,—главное препятствіе благосостоянію ихъ. Не говоря о вредѣ его для инородцевъ съ чисто физиологической стороны, укажу на то, что оно въ корнѣ подрываетъ ихъ материальное положеніе. Очень многія сдѣлки съ инородцами совершаются при помощи вина, при чемъ въ результатѣ оказывается, что инородецъ обманутъ. Зная склонность инородца къ вину, торговцы, а иногда и свой братъ торгашъ-инородецъ,

предварительно спаиваютъ его и берутъ за водку разнаго рода шкุры и рыбу, иногда менѣе, чѣмъ за половину цѣны.

Если гдѣ и можно было бы ожидать быстрыхъ и хорошихъ плодовъ отъ введенія казенной винной монополіи, то именно здѣсь, на Сѣверѣ, потому что только охраной инородцевъ отъ отравленія алкоголемъ и возможно улучшить ихъ материальное благосостояніе. Но, къ сожалѣнію, до сихъ поръ въ этомъ направлениі не предпринято почти никакихъ мѣръ. Введеніе здѣсь съ 1-го июля 1902 года казенной винной монополіи въ неполномъ объемѣ не только не улучшило существующихъ порядковъ въ области торговли виномъ, но даже послужило къ повышенію цѣнъ на вино, а между тѣмъ качество его остается прежнее, какое было до введенія винной монополіи.

Существующій способъ торговли виномъ даетъ торговцамъ возможность къ разнаго рода злоупотребленіямъ и, вообще, весьма гибельно отзывается на инородческомъ быту. Въ 1902 году торговцы, пользуясь предоставленнымъ имъ по закону правомъ продажи остатковъ вина по вольной цѣнѣ, подняли цѣну съ 8 до 18 руб. за ведро. Несомнѣнно, что даже такая высокая цѣна не остановить остатковъ отъ покупки водки, и, такимъ образомъ, на послѣднюю они будутъ тратиться вдвое.

Если принять во вниманіе, что нѣкоторыя фирмы, предвидя въ будущемъ необходимость покупать вино въ казнѣ, заранее сдѣлали запасы, достаточные на довольно продолжительное время, то становится очевиднымъ, что остаткамъ придется пользоваться дорогимъ виномъ еще довольно долго.

Полагаютъ, что введеніе казенной винной монополіи въ полномъ объемѣ на Тобольскомъ сѣверѣ невозможно, такъ какъ инородцы, за отсутствиемъ, будто бы, денежныхъ знаковъ, принуждены будутъ расплачиваться за вино сырьемъ материальнымъ, что, конечно, создало бы громадныя затрудненія. Въ действительности это не такъ. Денежные знаки здѣсь во всенародномъ обращеніи. Я лично неоднократно имѣлъ случай наблюдать расчеты русскихъ торговцевъ съ самоѣдами, этими главными потребителями водки.

Происходить это обыкновенно такимъ образомъ. Продала, напримѣръ, артель самоѣдовъ рыбу-шыжанъ по 2 руб. 75 коп. за пудъ, т.-е. одинъ пудъ за 3 руб., а другой за 2 руб.

50 коп. (самоёды знаютъ только цѣлые монетныя единицы и половины). Соответственно этому торговецъ раскладываетъ на столъ деньги на двѣ кучки: одна за 10 пудовъ, положимъ, по расценкѣ 3 руб. за пудъ, другая за то же количество пудовъ по расценкѣ 2 руб. 50 коп. за пудъ, и т. д. до конца расчета. Затѣмъ самоёды дѣлять между собою вырученную сумму по паямъ, и каждый получаетъ причитающуюся ему часть на руки. Послѣ этого уже они закупаютъ у торговца необходимыя имъ товары.

Такимъ образомъ, опасенія относительно отсутствія денежныхъ знаковъ неосновательны, и препятствій для введенія здѣсь казенной винной монополіи въполномъ объемѣ съ этой стороны встрѣтиться не можетъ.

Кромѣ пьянства, русскіе со своимъ появлениемъ на Тобольскомъ сѣверѣ занесли и нѣкоторыя болѣзни, незнакомыя до тѣхъ порь инородцамъ. Сифилисъ, вслѣдствіе отсутствія медицинской помощи, развивается среди инородцевъ очень быстро. Для лечения инородцевъ отъ распространившагося между ними сифилиса въ 1835 году повелѣно было учредить въ Березовѣ и Нарымѣ на казенный счетъ больницы.

Вообще, вопросы народнаго здравія для Тобольского сѣвера являются одними изъ самыхъ важныхъ. Положеніе медицинской помощи здѣсь таково, что, при всемъ желаніи, она не въ состояніи удовлетворить населенія. На весь край только двѣ больницы: въ Березовѣ и Сургутѣ. Врачей всего трое: одинъ въ Сургутскомъ уѣздѣ—уѣздный, и два въ Березовскомъ (въ Березовѣ—уѣздный и въ Обдорскѣ—обѣзѣздной). По штату положено въ городахъ Березовѣ и Сургутѣ по городовому врачу, но вслѣдствіе ничтожнаго штатнаго вознагражденія занятъ эти должности не находится желающихъ, и жалованье городовыхъ врачей получаются уѣздные.

Хотя Тобольскій сѣверъ и раздѣленъ на сельскіе врачебные участки, которыхъ числится въ Березовскомъ уѣзда два и въ Сургутскомъ одинъ, но лишь одинъ Обдорскій участокъ имѣеть врача, въ Березовскомъ же и Сургутскомъ участкахъ обязанности сельскихъ врачей отправляютъ уѣздные. На Самаровскій участокъ Тобольскаго уѣзда также полагается врачъ при находящейся въ с. Самаровѣ лечебницѣ, но въ дѣйствительности этотъ постъ почти всегда остается незанятымъ, и обязанности Самаровскаго сельскаго врача несетъ сосѣдний врачъ.

За исключеніемъ состоящихъ при врачахъ фельдшеровъ, послѣднихъ, вмѣстѣ съ лекарскими учениками, находится въ Сургутскомъ уѣздѣ 3, въ Березовскомъ 5; повивальныхъ бабокъ—по одной въ каждомъ уѣздѣ.

Средства, отпускаемыя на врачебное дѣло, незначительны. Въ 1901 году на Сургутъ было отпущено 6.179 руб. 24 коп., а на Березовъ—9.814 руб. 89 коп. (приводимыя цифры показаны для названныхъ городовъ вмѣстѣ съ уѣздами). Такимъ образомъ, въ Сургутскомъ уѣздѣ въ годъ на каждого жителя приходится среднимъ числомъ 74 коп., а въ Березовскомъ всего лишь 44 коп.

За врачебной помощью инородцы въ послѣднее время обращаются довольно охотно. Однако, за отсутствіемъ ея, они лечатся, большою частью, у своихъ шамановъ, лечение которыхъ состоитъ, собственно, въ ворожбѣ.

Бывшій березовскій фельдшеръ, Л. Кориковъ, приводить слѣдующія средства, употребляемыя въ народной vogульской медицинѣ.

1) Дорогая трава или корень сасапарилы—противъ сифилиса, ревматизма и другихъ болѣзней, характеризующихся ломотою костей; съ такою же цѣлью употребляются вересковыя ягоды и листья бруслики.

2) Составъ: женское парное молоко, смѣшанное съ черемуховой сѣрой, вороновой желчью и порошкомъ серебра, употребляется противъ кератита; при этомъ, чтобы достать вороновой желчи, ворона необходимо убить при полномъ мѣсяцѣ. Окуневый жиръ—при другихъ болѣзняхъ глазъ.

3) Стружки медвѣжьего зuba, медвѣжье сало употребляется при рѣзаныхъ ранахъ.

4) Медвѣжья желчь—при коликѣ.

5) Дѣтскій поносъ лечится бобровою струею.

6) Кашель—стручковымъ перцемъ съ виномъ.

7) При переломахъ пьютъ молоко, сваренное съ поропоткомъ мѣди.

8) Болѣзни кожи лечатся мазью изъ медвѣжьего сала съ груднымъ женскимъ молокомъ (необходимо дѣвшушки).

Кромѣ того, мнѣ удалось узнать, что остатками Сургутскаго уѣзда стручковый перецъ и березовая губа въ настоѣ на водѣ или на водѣ—употребляются какъ лекарство отъ внутреннихъ болѣзней. Зимой во время промысловъ инородцы употребляютъ

напатырь въ качествѣ средства, отстраняющаго аппетитъ и жажду.

Вслѣдствіе нечистоплотной, грязной обстановки, въ которой живутъ инородцы, отсутствію медицинской помощи и дезинфекціонныхъ средствъ, эпидемическія болѣзни особенно быстро распространяются среди инородцевъ и производятъ страшныя опустошенія. Изъ эпидемическихъ и другихъ болѣзней среди инородцевъ особенно распространены: тифъ, оспа, дифтеритъ, горячка, сифилисъ, чесотка, глазная болѣзнь, иногда цынга. Наиболѣе страшныя по тѣмъ опустошеніямъ, которыя они производятъ, тифъ и оспа. Чахоткой, зубной болью, глистами инородцы почти вовсе не страдаютъ.

При тѣхъ условіяхъ жизни, въ которыхъ находятся инородцы, эпидемическія болѣзни производятъ среди нихъ болѣшія опустошенія, чѣмъ среди русскихъ. Это одна изъ причинъ угасанія инородцевъ.

Факта угасанія инородцевъ отрицать нельзя, но оно проходитъ не въ одинаковой степени и не повсемѣстно. Изслѣдованія А. И. Якобія исповѣдныхъ росписей дали слѣдующія результаты: за періодъ времени 90 лѣтъ (1803—1893) въ Березовскомъ уѣздѣ остаточное населеніе убыло на 10% и вогульское на 24%, а въ Сургутскомъ уѣздѣ остаточное населеніе прибыло на 46%. Разматривая детально эти результаты по районамъ-приходамъ, наблюдаемъ неравномѣрность убыли и прибыли. Такъ въ Березовскомъ уѣзда Сосвинскіе вогулы дали самую незначительную убыль—1%, а Лянинскіе—48%. Далѣе, остатки 5-ти приходовъ дали убыль:

Бѣлогорскій	41%
Сухоруковскій	32
Шеркальскій	30
Два Березовскихъ	12

Остатки же другихъ 5-ти приходовъ (кромѣ Обдорскаго, который оставленъ безъ разслѣданія) дали прибыль:

Мало-атымскій	7%
Казымскій	3
Кушеватскій и Мужевскій . . .	15
Чемашскій	31

Въ Сургутскомъ уѣздѣ убыль заключается только въ Ваховскомъ приходѣ—5%; остальные, исключая Сургутскаго, даютъ слѣдующую прибыль:

Юганскій	25%
Верхне-лумпокольскій	27
Нижне-лумпокольскій	15
Ларіахскій	224

При изслѣдованіи вопроса объ угасанія инородцевъ А. И. Якобій пользовался, главнымъ образомъ, исповѣдными росписями, представляющими собою посемейные списки крещеныхъ инородцевъ, ежегодно составляемые причтомъ приходскихъ церквей. Въ росписи минувшаго года при провѣркѣ дѣлаются отмѣтки объ измѣненіи состава населенія, и на основаніи этого составляется роспись послѣдующаго года. По этимъ же росписямъ ведутся книги о родившихся и книги объ умершихъ.

При провѣркѣ исповѣдныхъ росписей заносятся не всѣ родившіеся и умершіе въ данномъ году, а только тѣ, надъ которыми былъ совершенъ православный обрядъ крещенія или похоронъ. Такимъ образомъ, дѣти, умершія до крещенія, не подлежатъ никакой регистраціи, и установить процентъ смертности среди дѣтей младшаго возраста нѣть возможности. Погребаются же инородцы всѣ не по обряду православной церкви; отпѣваніе производится долго спустя послѣ погребенія, когда священнику будутъ сообщены свѣдѣнія объ умершихъ, или же онъ самъ произведетъ провѣрку, которая въ дальнихъ юртахъ бываетъ не каждый годъ. Въ послѣднемъ случаѣ въ книги объ умершихъ заносятся разомъ всѣ умершіе за предыдущіе года, и, такимъ образомъ, получается впечатлѣніе эпидеміи, которой на самомъ дѣлѣ не было.

Вообще, исповѣдныя росписи создаютъ не мало путаницы, и брать изъ нихъ готовые итоги для статистики безъ провѣрки нельзѧ. Такъ, кажущаяся странность исчезанія однѣхъ и появленія другихъ юртъ объясняется тѣмъ, что остатки и вогулы имѣютъ юрты зимнія и лѣтнія, которая носятъ разныя названія. Такимъ образомъ, название юртъ въ исповѣдной росписи зависитъ отъ того, когда была провѣрена послѣдняя: зимой или лѣтомъ.

Иногда при проверке росписей не оказывается каких-нибудь юртъ. Это происходит оттого, что население ихъ послѣ пожара или вслѣдствіе неблагопріятныхъ условій промысла переселяется въ другой районъ. Подобнымъ образомъ исчезли изъ росписи въ періодъ 1813—23 годовъ Лайтховы юрты, населеніе которыхъ А. И. Якобій нашелъ въ Нижнепугорскихъ юртахъ.

Изъ приведенного факта видно, что мы всегда рискуемъ принять убыль населенія прихода путемъ переселенія за угасаніе, котораго не существуетъ, и наоборотъ — прибыль пришлага элемента за приростъ населенія. Подобнымъ переселеніемъ объясняется неравнотѣрность убыли вогуль: Сосвинскихъ — на 1%, а Ляпинскихъ — на 48%. Можетъ быть, получились бы иные результаты, если бы А. И. Якобіемъ было произведено изслѣдованіе Обдорского края, гдѣ нѣрѣдко можно встрѣтить вогуль, переселившихся изъ Ляпинской волости.

Что касается метода изслѣдованія, то обычный методъ суммарной статистики по отношенію къ инородцамъ Тобольского сѣвера не можетъ дать точныхъ выводовъ. Въ общей суммѣ неизбѣжно исчезнутъ факты вымирания цѣлыхъ семей, между тѣмъ количество населения можетъ и не измѣняться, благодаря приросту въ другихъ семьяхъ. Единственный правильный методъ изслѣдованія вопроса объ угасаніи инородцевъ — это методъ посемейной статистики. Только посемейные списки, при условіи тщательного веденія ихъ, могли бы дать вполнѣ достовѣрный матеріалъ. Однако, за неимѣніемъ лучшаго, приходится пользоваться исповѣдными росписями. Тутъ-то и обнаруживается ихъ главный недостатокъ. Дѣло въ томъ, что въ исповѣдныхъ росписяхъ составъ семьи выражается не дѣйствительнымъ числомъ ея членовъ, а создается искусственно. По установленному порядку, каждая четырѣ лица мужскаго пола составляютъ семью, или дворъ; если же ихъ въ дѣйствительной семье болѣе, то остальные приписываются къ слѣдующему двору.

Въ литературѣ давно раздаются жалобы на незавидную жизнь здѣшнихъ инородцевъ. Слова: „наглая эксплоатация“, „обираніе“, „спаиваніе“, стали обыденными. За послѣднія 40 лѣтъ много путешественниковъ и изслѣдователей-этнографовъ посѣтило здѣшній край, иѣкоторые даже предлагали

проекты улучшенія быта инородцевъ, однако и по настоящемъ времія все осталось почти такъ, какъ было: да въ настоящемъ времія и трудно разсчитывать на то, чтобы государство решилось на какую-либо радикальную реформу, такъ какъ этотъ вопросъ очень сложный и не исчерпывается одними инородцами Тобольского сѣвера: вѣдь масса инородцевъ раскинута на необъятномъ пространствѣ имперіи до Берингова пролива. Предстоящій пересмотръ Положенія объ инородцахъ коснется, главнымъ образомъ, порядка управлениія, т.-е. административной части.

Существующіе законы объ инородцахъ никогда не отвѣчали требованіямъ жизни сѣвернаго инородческаго населенія. Функционирующее Положеніе объ инородцахъ, если судить даже по цѣлой серии техническихъ выражений, совершенно неизвѣстныхъ на Сѣверѣ, писалось, повидимому, для степныхъ народностей. Между тѣмъ, быть послѣднихъ не имѣть ничего общаго съ бытомъ сѣвернаго инородческаго населенія.

Кстати скажу нѣсколько словъ о годовомъ кругооборотѣ жизни инородцевъ Тобольского сѣвера.

По отсутствію земледѣлія въ краѣ единственнымъ средствомъ къ существованію для населенія являются промысла. Привожу въ послѣдовательномъ порядке перечень промысловъ съ указаніемъ періода времени, въ теченіе котораго производится тотъ или иной промыселъ, при чёмъ за начало промысловаго года принято время вскрытия рѣкъ.

Рыболовный промыселъ наступаетъ по вскрытию рѣки, т.-е. въ маѣ, и длится до замора воды, т.-е. до декабря — января мѣсяца. Послѣ этого и почти до вскрытия рѣкъ промыселъ рыбы производится только у живуновъ. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ рыболовный промыселъ имѣетъ первенствующее значеніе, населеніе еще до наступленія вскрытия рѣкъ переѣзжаетъ изъ мѣстъ своего зимняго проживанія въ лѣтнія жилища, расположенные обыкновенно на берегу рѣкъ, у самой воды. Жилища эти, если они постояннаго характера, состоятъ изъ бревенчатыхъ избъ, если же временнаго, то представляютъ собою берестянные шалапи. Осеню, въ сентябрѣ, инородцы возвращаются обратно въ зимнія жилища. Инородцы нѣкоторыхъ мѣстностей имѣютъ по трое юртъ: весеннія, лѣтнія и осеннія, сообразно мѣстамъ ихъ промысловъ.

Зѣроловный промысел наступаетъ съ замерзаніемъ рѣкъ, въ октябрѣ, и длится до апрѣля мѣсяца.

Промысел водяной птицы длится три-четыре недѣли, начинаясь со времени прилета, наступающаго недѣли за двѣ до вскрытия рѣки, такъ что промысел этотъ производится, главнымъ образомъ, въ маѣ.

Промысел линяющей утки производится въ юлѣ.

Промысел лѣсной птицы наступаетъ съ половины августа и продолжается до выпаденія снѣга.

Кедровый промысел начинается со второй половины августа.

Время сѣнокосенія находится въ зависимости отъ раннаго или позднаго спада водь и наступаетъ: раньше въ первой половинѣ юля и позннее во второй половинѣ августа.

Заготовка дровъ рѣдко наступаетъ въ декабрѣ, обыкновенно ихъ начинаютъ готовить съ января мѣсяца.

Насколько видно изъ вышеизложенного, быть здѣшнаго населенія, въ особенности инородцевъ, сложился такъ, что почти круглый годъ они заняты тѣмъ или инымъ промысломъ. Если принять во вниманіе незначительный приростъ инородческаго населенія, малочисленность состава семей, недостатокъ рабочихъ силъ и общую бѣдность, то становится очевиднымъ, что всякое отвлеченіе инородцевъ отъ дѣла промысла вредно отзывается на ихъ благосостояніи. Между тѣмъ, въ силу необходимости приходится ихъ отвлекать для отбытія земской гоньбы натураю въ тѣхъ мѣстностяхъ, где эта повинность не могла быть до настоящаго времени переложена на денежную. Въ цѣляхъ предоставленія инородцамъ полной свободы располагать временемъ, въ особенности въ періоды главныхъ промысловъ, следовало бы вездѣ, где это представляется цѣлесообразнымъ и возможнымъ, отмѣнить натуральную земскую повинность, переложивъ ее на денежную.

Здѣсь слѣдуетъ, кстати, отмѣтить тотъ фактъ, что въ годы голодовокъ законъ о правительственной помощи, по точной его буквѣ, не можетъ быть примѣненъ къ населенію сѣверныхъ окраинъ.

Такъ какъ продовольствие хлѣбомъ для большинства населения Тобольского сѣвера всецѣло зависитъ отъ частныхъ предпринимателей, то продовольственный вопросъ всегда грозитъ осложненіями, въ особенности въ годы стихійныхъ бѣдствій, которыя не только ничѣмъ не предотвратимы, но и едва ли даже

могутъ быть своевременно предвидимы. Тогда какъ въ мѣстностяхъ губерніи, пострадавшихъ отъ неурожая, въ помощь населенію принимаются мѣры, указанныя специальнымъ закономъ, жители сѣверныхъ уѣздовъ въ годы стихійныхъ бѣдствій обыкновенно предоставляются самимъ себѣ и лишаются помощи только потому, что живуть внѣ черты земледѣльческой культуры, т.-е. иначе сказать, указанный законъ о помощи при неурожаяхъ не можетъ быть примѣненъ къ нимъ въ буквальномъ смыслѣ. Эти стихійные бѣдствія сильно подрываютъ благосостояніе населенія, такъ какъ въ такие годы оно лишается большой части скота.

Въ виду исключительныхъ условій этого края: удаленности его отъ рынковъ и губернскаго города, продолжительности распутицы, отсутствія телеграфа и неудовлетворительности сообщеній, населеніе можетъ остаться въ совершенно безпомощномъ состояніи относительно продовольствія хлѣбомъ. Поэтому казалось бы необходимымъ всегда иметь запасы хлѣба на Сѣверѣ и въ нужныхъ случаяхъ организовать общественные работы, хотя бы въ видѣ лѣсныхъ заготовокъ.

Вообще, сомнительно разсчитывать на то, чтобы благосостояніе инородческаго населенія повысилось отъ проведения однѣхъ административныхъ мѣръ, въ родѣ переустройства быта инородцевъ. Помимо этого, необходимы мѣры, вызываемыя самой жизнью, т.-е. мѣры экономического значенія, главнымъ образомъ, въ области рыбопромышленности.

Вопросы рыбопромышленности составляютъ особый отдѣлъ моей книги о Тобольскомъ сѣверѣ. Здѣсь я не буду распространяться по даннымъ вопросамъ, такъ какъ это завело бы меня слишкомъ далеко. Скажу только, что ненормальность существующаго порядка вещей въ области рыболовства констатирована даже самими рыбопромышленниками, признавшими практикуемые нынѣ способы лова рыбы хищническими.

Оленеводство также имѣетъ важное значеніе для здѣшняго Сѣвера, гдѣ безъ него и самая жизнь невозможна. Довольно трудно сказать, развивается ли оно здѣсь или падаетъ, такъ какъ сколько-нибудь удовлетворительной регистраціи оленей не существовало и не существуетъ. Всѣ статистическія данныя, какія исправники прилагаютъ при своихъ обзорахъ, не даютъ представлія о действительномъ положеніи оленеводства въ томъ или иномъ районѣ края, такъ какъ инородческие управы,

вмѣсто того, чтобы опрашивать населеніе, просто изъ года въ годъ переписываютъ старыя свѣдѣнія, при чемъ варьируются цифры то на повышеніе, то на пониженіе.

По произведеному мною статистическому подсчету оленеводства оказывается, что таковое у вогуль и остяковъ, обитающихъ въ зонѣ высокоствольныхъ лѣсовъ (часть Березовскаго уѣзда, южнѣе 64-й параллели, и весь Сургутскій), не блестяще и еле-еле удовлетворяетъ потребностямъ передвиженія. Число оленей на хозяина, въ среднемъ, не превышаетъ 23-хъ, число безоленныхъ хозяевъ достигаетъ мѣстами 40% паселенія. Вслѣдствіе бѣдности и другихъ экономическихъ причинъ, количество оленей въ хозяйствахъ остяковъ и вогуль сильно колеблется. Такъ, есть остатки, имѣющіе 100 и болѣе оленей (например, по р. Агану), но у большинства хозяевъ количество оленей не превышаетъ 12—15. Что касается безоленныхъ остяковъ и вогуль, то наиболѣе всего таковыхъ встрѣчается по р. Ляпину—до 40%, и затѣмъ по р. Ваху—32%, Югану—28%, Тапсую—14% и Сосѣвъ—14%.

Въ виду важнаго значенія оленеводства въ хозяйствѣ и вообще въ жизни Сѣвера, изученіе его является прямо необходимостью. По моему мнѣнію, надлежитъ послать компетентное лицо съ цѣлью изученія моховой тундры, какъ оленѣяго пастбища, самаго типа оленя, какъ лѣсного, такъ и степнаго, и, наконецъ, изслѣдованія болѣзней оленя и мѣръ борьбы съ ними, поручивъ вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлить продуктивность тундры и вырѣшить, въ какой мѣрѣ возможно здѣсь допустить кочевку зырянскихъ оленевыхъ стадъ. Въ цѣляхъ обезспеченія средствами передвиженія инородцевъ, въ особенности—зѣропромышленниковъ, слѣдовало бы организовать дѣло снабженія оленями неимущихъ хозяевъ.

На ряду съ инородцами-аборигенами въ правильной организаціи нуждается также русское и пришлое зырянское населеніе Тобольскаго сѣвера.

Въ настоящее время даже среди коренного русскаго населенія не всѣ имѣютъ въ своемъ пользованіи земельныя и водныя угодья. Какъ на примѣръ, укажу на крестьянъ села Обдорскаго. Положеніе же русскихъ, проживающихъ по паспортамъ, уже совсѣмъ неопределенно, такъ какъ они, на основаніи существующихъ законовъ, могутъ быть выдворены. Въ такомъ положеніи находится русское населеніе 23-хъ населенныхъ

пунктовъ, разбросанныхъ какъ бы базисами среди инородческаго, на протяженіи по Оби отъ Сургута до Нарымской границы.

Но хуже всѣхъ — это положеніе зырянъ, которыхъ здѣсь въ настоящее время свыше тысячи душъ, при чемъ каждый годъ численность ихъ все возрастаетъ, благодаря приселенію новыхъ выходцевъ изъ-за Урала. Зырянскій элементъ здѣшняго края за бортъ, что называется, не выбросишь; волей-неволей приходится съ нимъ считаться и озабочиться о легальномъ его возвращеніи, тѣмъ болѣе, что въ настоящее время зыряне являются единственнымъ связующимъ звеномъ сѣверныхъ окраинъ Европейской и Азиатской Россіи.

Что касается введенія общаго для русскихъ и инородцевъ административнаго управления, то оно возможно, въ видѣ опыта, въ тѣхъ районахъ, где инородческое населеніе является наиболѣе обрусѣвшимъ. Къ такимъ районамъ можно отнести только побережье Оби отъ Нарымской границы до Березова. При этомъ главнымъ вопросомъ является вопросъ о землепользованіи. На этой почвѣ могутъ сталкиваться интересы обоихъ элементовъ: аборигеновъ-инородцевъ и пришедшаго русскаго элемента. Поэтому, прежде чѣмъ дѣлать опытъ введенія общаго административнаго устройства, необходимо привести въ извѣстность всѣ угодья и произвести всестороннее изученіе условій экономического быта населенія. Эти послѣднія мѣры должны лечь въ основу всѣхъ дальнѣйшихъ комбинацій на почвѣ переустройства административнаго и экономического строя населенія.

